

Джордж Райт

ТОЧКА ВОЗВРАТА

Пролог. Двадцать шесть месяцев до конца света

Кларисса хлопотала на кухне. Маркус позвонил днем и сообщил, что вынужден отменить заказанный на вечер столик в ресторане. Его работа, о сути которой он, как всегда, ничего не может сообщить, в очередной раз вмешивалась в их планы. Он вернется поздно, сам еще не знает, когда, может быть, даже ночью, так что пусть она не беспокоится и ложится, не дожидаясь его. А отпразднуют они в воскресенье - шеф, по крайней мере, твердо пообещал не срывать ему выходные. Это всего-то через два дня, и пусть она не расстраивается.

Ну что ж - она знала, за кого выходила замуж.

Хотя, по правде говоря, даже ей он это сказал только перед тем, как сделал предложение - хотя к тому времени они встречались уже год. И весь этот год она полагала, что у него скучная работа в корпорации - время от времени требовавшая переработок по вечерам и даже в выходные, но за это платили хорошие сверхурочные. Периодически он рассказывал ей какие-то забавные случаи из жизни офисного планктона - "сегодня у нас один парень из юридического отдела..." Позже он признался, что все их вычитывал в интернете.

О его подлинной работе она и теперь не знала почти ничего, кроме того, что это связано с национальной безопасностью. "Я не Джеймс Бонд, - сказал он ей тогда, два года назад. - И даже не его противоположность, хотя это уже ближе к истине. Я не гоняюсь с пистолетом за шпионами и не соблазняю красоток - уж на этот счет можешь быть спокойна. У меня действительно скучная офисная работа. Большую часть времени я просто сижу в своем кабинете и анализирую информацию, поступающую из разных источников. И поверь - ты бы сама не хотела знать, что это за информация."

Кларисса была с этим согласна. У нее действительно не было ни малейшего желания знать грязные правительственные секреты, которые уж точно не подняли бы ей настроение. И насчет красоток она тоже ни разу не усомнилась. Если Маркус говорил, что задерживается на работе - это означало именно работу, и не что иное. Женщина чувствует такие вещи - если только она не совсем уж наивная дурочка, потерявшая голову от любви, а Кларисса такой не была. И, кроме того, подобное было совершенно не в характере самого Маркуса, который действительно был полной противоположностью героям шпионских романов. Он был не авантюристом, а педантичным сухарем, которому, скорее, не помешало бы немного романтики. Хотя, понимая себе Кларисса, работа в подобном ведомстве скорее делает циником, нежели романтиком... Так или иначе, если их союзу и не доставало бурных страстей из книжек в блестящих обложках, он был, по крайней мере, устойчивым и надежным (неприятности вроде сегодняшней, когда из-за работы Маркуса приходилось откладывать или отменять планы, не в счет). Детей у них не было, но дело было не в Маркусе - Кларисса сама не была уверена, что готова взвалить на себя такую ответственность. Может быть, позже - времени-то впереди достаточно, ей всего 27...

В целом, она оценивала их брак на твердые 8/10 и не думала, что когда-либо и с кем-либо еще могла бы рассчитывать на большее. Жизнь - это действительно не романы в ярких обложках.

Все же ей было досадно, что пресловутые "интересы национальной безопасности" сорвали им празднование годовщины - и по голосу мужа в телефоне она чувствовала, что он тоже расстроен. Расстроен даже сильнее, чем можно было бы ожидать от него, несмотря на рациональные слова про "отметим всего через два дня". Кларисса даже испытала что-то вроде нежности к нему из-за того, что его это и в самом деле так огорчило. И она решила, по крайней мере, приготовить в честь праздника его любимый торт. Торт - это как раз такое блюдо, которое не станет хуже, как бы сильно Маркус ни задержался. Скорее наоборот - станет только вкуснее, если как следует пропитается и настоится. Кларисса вообще любила готовить, и даже запланированный поход в ресторан был, в общем-то, скорее данью традициям, чем

необходимостью - она могла бы и сама приготовить праздничный ужин не хуже, но Маркус настоял на ресторане, видимо, желая искупить этой торжественностью обычное однообразие их вечеров.

Торт был уже почти готов, оставался последний этап - нанести на глазированный верх кремовую надпись "Маркус Кларисса". Сначала она думала пустить их имена по кругу, но потом решила перекрестить их на манер кроссворда, точнее, косоугольного креста, соединив через букву Р. Эта работа требовала большой аккуратности, чтобы буквы получились ровными и красивыми. Взяв наполненную кремом тубу, Кларисса принялась выводить их одну за другой, высунув от усердия кончик языка - смешная привычка, сохранившаяся у нее с детства.

Внизу хлопнула дверь. Значит, его все-таки отпустили не слишком поздно. Кларисса даже почувствовала мгновенную досаду из-за того, что не успела закончить торт. Тем более что начала она со своего имени - лишь потому, что оно было более длинным и вписать его было труднее, но Маркус, увидев это, может ощутить некий укол обиды. Но, не поддавшись искушению поспешить и закончить надпись тят-ляп, она продолжала аккуратно выводить буквы. Тем более что он не пойдет сразу на кухню, а сначала тщательно вымоет руки - он всегда делал это, приходя с улицы - а потом еще и переоденется. Он никогда не ужинал в своем офисном костюме, опасаясь посадить пятно.

Однако Кларисса не услышала шума в трубах, обычного, когда кто-то пользовался ванной. Вместо этого она услышала, как за ее спиной открылась дверь.

- Привет! - сказала она, не оборачиваясь (самый ответственный момент - расположить имя "Маркус" так, чтобы оно красиво и правильно пересекалось с "Клариссой", и она решила, что будет писать его не с начала, а от середины - сперва буквы "а" и "к", а потом уже "М" и "ус"). - А я уж думала, тебя не будет до ночи! Хотя, конечно, все равно бы дождалась, в такой-то день... Спас мир досрочно? Подожди еще минутку, у меня почти готов торт...

Он ничего не ответил, и она подумала, что он послушно ждет, пока она разрешит ему подойти и полюбоваться ее шедевром. Однако молчание за спиной как-то странно затягивалось, он не говорил ни "привет", ни "конечно", ни хотя бы просто "угу", и Кларисса внезапно ощутила холодок беспокойства. Он не раз приходил с работы усталый и не в духе, но никогда не позволял себе срываться на жене, напротив, заставлял себя вымученно улыбаться в ответ на ее приветствия. А уж тем более в такой день...

- Маркус, у тебя все в порядке? - обеспокоенно спросила она, по-прежнему следя за тем, чтобы выдавливаемая из тубы колбаска крема ровно и аккуратно ложилась на глазурь.

Он снова не ответил, и тут она почувствовала настоящий страх. Да Маркус ли это вообще?! Что, если в дом забрался... нет, не вор, конечно, ни один вор не полезет в дом, где горят окна, и уж тем более не пойдет на кухню, чтобы пялиться там в спину хозяйки - но что, если это те самые, с кем он борется по своей работе, не рассказывая жене никаких подробностей? Если они дознались, где он живет, и влезли в дом, чтобы взять ее в заложники? Уж им-то точно не нужно ни мыть руки, ни менять костюм...

Ее рука дрогнула, испортив букву "М". Ее первым движением было обернуться, но она боялась это сделать. Боялась увидеть то, что может увидеть.

- М-маркус? - произнесла она еще раз почти жалобно, а затем, сообразив, что не столь уж беззащитна на кухне, где имеются острые ножи, все же начала поворачивать голову.

- Не оборачивайся! - тут же хрипло воскликнул он.

В первый миг она испытала безмерное облегчение и одновременно досаду на себя - вот же глупая трусиха! Хорошо еще, что не схватила нож - вот была бы картина! А он, очевидно, всего лишь хотел сделать ей сюрприз и сейчас наденет ей на шею свой подарок...

Она с улыбкой замерла в предвкушении, но интуиция продолжала твердить ей, что что-то не так. Голос был, безусловно, Маркуса, но уж очень странно он звучал. Она не слышала от него такой интонации, кажется, никогда за все время их знакомства - даже во время их (достаточно

редких) ссор. К тому же ни ожидаемое ожерелье, ни хотя бы его дыхание все не касались ее шеи, и Кларисса резко обернулась.

Ее муж стоят позади нее не только в своем офисном костюме, но даже в уличной обуви. И целился ей в голову из пистолета.

Кларисса настолько растерялась, что даже не испугалась толком - во всяком случае, не так, как только что, когда думала, что в дом проник злоумышленник.

- Что ты делаешь? - воскликнула она. - Это что - шутка?

Тут же она, впрочем, поняла, что шуткой это уж точно быть не может. Уж кто-кто, а Маркус не раз говорил ей, что никакие шутки с оружием недопустимы. Что нельзя, в частности, наставлять оружие на человека, в которого ты не собираешься стрелять - даже если ты думаешь, что оно не заряжено. Во-первых, ты можешь думать неправильно, а во-вторых, ему это дает право и основание выстрелить в тебя...

Палец Маркуса напрягся на спусковом крючке. Кларисса уставилась в черный глазок дула, ставший вдруг невероятно большим.

- За что? - беспомощно пробормотала она, а затем все же заставила себя оторвать взгляд от дула и посмотреть ему в глаза - глаза человека, которого она пусть не страстно, как в романах, но все же верно любила уже три года. Или считала, что любит...

- Прости, - сказал ее муж, а затем вдруг сунул ствол себе в рот и нажал на спуск.

Пять часов до конца света

- Пора, - сказал Альберт. - Остается меньше пяти часов.

- До Гавани ехать всего сорок минут, - ответила Кларисса, с тоской обводя взглядом спальню. Ей не хотелось навсегда покидать этот дом, в котором она прожила всего восемь месяцев, но который успела полюбить - наверное, потому, что это были самые счастливые восемь месяцев в ее жизни. Но дело было, конечно, не только в доме.

- Это в прежние времена, - возразил Альберт. - Я не знаю, в каком состоянии дороги сейчас. Мусор, по крайней мере, не убирают уже несколько дней. Ехать придется осторожно. Не знаю, работают ли светофоры - не уверен, что напряжение в городскую сеть все еще подается и тем более будет подаваться до самого конца. В городе ситуация хуже, чем в предместье. У Гавани своя электростанция, а вот все остальное... Не хочется оказаться на такой дороге в полной темноте. Интернет вон уже не работает. И главное - там наверняка очереди. Всегда хватает тех, кто оттягивает до последнего момента, тебе ли это не знать, - закончил он с невеселой улыбкой.

- Да, - вынуждена была согласиться она. - В конце наверняка будет толпа. Несмотря на все графики эвакуации, - сама она пропустила свою очередь, ибо Альберту, как работнику Гавани, эвакуация полагалась только в последний день.

Что ж - по крайней мере, на станции автоматика работала безупречно; несмотря на пиковые нагрузки (как объяснил ей Альберт, главные проблемы в энергосистеме в целом создавал не рост мощности, потребляемой Гаванью, а как раз наоборот - резкое падение энергопотребления во всем остальном городе и стране), система, над созданием которой трудился и он, справилась. Что и позволило им провести последний день вместе - по крайней мере, большую его часть. Но всему когда-то приходит конец - и никогда еще в истории эта банальная фраза не наполнялась таким буквальным смыслом.

- Ладно, - вздохнула Кларисса, поднимаясь с кровати, - идем.

Они вышли во двор, тут же из прохлады помещения окунувшись в летнюю жару. По вечернему небу быстро бежали низкие лохматые облака, сквозь которые периодически багровым пятном проступало предзакатное солнце. Порывами налетал теплый ветер. На этом летнем фоне странно смотрелись лишь голые ветви деревьев и пожухлые бурые газоны.

- И не скажешь, что ноябрь, - проворчала Кларисса, расстегивая куртку, которую надела по привычке.

- Орбита Земли меняется, - пояснил Альберт. - Гравитация этой дряни действует на нас даже с той стороны Солнца, - хотя у блуждающей нейтронной звезды было официальное имя - Немезида, большинство словно сговорилось не употреблять его за пределами научных статей и официальных документов. Говорили "эта дрянь", "это дерьмо" и еще похуже. - На самом деле, даже если бы она проскочила мимо Солнца, Земля бы перестала быть пригодна для жизни. Именно из-за дестабилизации орбиты.

- Но она не проскочит, - констатировала Кларисса и ковырнула носком туфли серые опавшие листья под ногами. - Трудно поверить, что через пять часов всего этого уже не будет. То есть *вообще* не будет. Мы всегда жили с мыслью, что мы умрем, но мир останется. А выходит, что все наоборот, - она сняла куртку и бросила ее прямо на землю. Какая теперь разница?

- Зависит от точки зрения, - ответил Альберт. - Не будет в будущем, но останется в прошлом.

Они подошли к гаражу. Ворота кто-то уже размалевал непристойными граффити из баллончика, но вломиться внутрь, очевидно, не пытался. Альберт нажал кнопку, ворота начала подниматься и застряли на середине. "Ну вот, похоже, уже начинаются перебои даже у нас..." - проворчал он, налегая на ворота снизу и поднимая их вручную.

Они сели в машину и выехали на улицу.

Улица, где стоял дом Альберта, выглядела совершенно безжизненной. Должно быть, все соседи уже эвакуировались. Разве что из дома Браунов выбежал их отощавший доberman Макс и гавкнул на машину - не злобно, скорее просительно. Кларисса посмотрела на него с жалостью, но помочь ничем не могла. Животные эвакуации не подлежали. Энергия была нужна на транспортировку людей, а главное - это просто не имело смысла. Там у Браунов снова будет Макс, и они не заметят разницы... Ветер гнал по асфальту вперемешку с листвой бумажный и пластиковый мусор. Большинство дверей хозяева, покидая, оставили запертыми (так поступил, следуя привычному рефлексу, и Альберт), но некоторые остались нараспашку. В паре домов кто-то уже успел разбить стекла - вероятно, те же вандалы, что малевали граффити. Из открытого почтового ящика Хортов (почту не доставляли уже больше недели, да и, по большей части, отсылать ее было уже некому) торчала пустая бутылка. Закон о чрезвычайном положении предусматривал запрет на эвакуацию практически за любое антиобщественное поведение, но в последние дни долго державшийся железный порядок стал быстро сдавать. Теоретически, сотрудники полиции и спецслужб должны были эвакуироваться самыми последними, даже после тех, кто обеспечивал работу Гаваней, но - кто будет сторожить сторожей? А того, кто уже эвакуировался, наказать невозможно.

Да и какой смысл, на самом деле, был теперь защищать брошенные дома и имущество? Через пять часов все это...

Тем не менее Альберта открывшаяся картина озаботила. Особенно когда за углом им открылся остов сгоревшего автомобиля, стоявшего поперек дороги. Его дверцы были распахнуты, но оставалось вопросом, покинули ли пассажиры машину по своей воле.

- Надо было все-таки раздобыть оружие, - проворчал Альберт, объезжая препятствие по тротуару мимо разбитой витрины продуктового магазина. Под колесами захрустели осколки, но они были мелкие и не представляли угрозу для шин. - Если не пистолет, то хотя бы охотничье.

- Ты же знаешь, огнестрел теперь запрещен всем, кроме правоохранителей, - откликнулась Кларисса. - И ты знаешь, что бывает за нарушение закона.

- У меня такое впечатление, что уже ничего, - буркнул он. - И это еще наше предместье, всегда считавшееся очень благополучным. Представляю, что может твориться в самом городе... Все-таки, вечно я недооцениваю человеческую глупость. Зачем рисковать собственным спасением ради того, что все равно не унесешь с собой - даже в воспоминаниях?

- Сиюминутное удовольствие для них важнее вечности, - пожала плечами Кларисса. - Или года - как посмотреть.

Очередной порыв ветра швырнул им навстречу охапку мусора. Сухие листья скользнули по капоту и разлетелись в стороны, однако к лобовому стеклу прилип грязный листок бумаги. "ПРАВИТЕЛЬСТВО ВАМ ЛЖЕТ!" - гласили крупные буквы. "НЕТ НИКАКОЙ ЭВАКУАЦИИ! ЛЮДЕЙ ПРОСТО..." - дальше было оторвано. Возможно, остальная часть листовки пошла на самокрутку с марихуаной (которую при чрезвычайном положении снова запретили, как и алкоголь). Альберт включил дворники и смахнул бумажку.

- Вот и ответ, - кивнула Кларисса. - Не все верят в эвакуацию. И, знаешь... - добавила она после паузы, - в последнее время я все чаще задумываюсь, что конспирологи могут быть правы.

Альберт возмущенно фыркнул, но она с нажимом продолжала:

- Что правительства всего мира просто решили врать населению про Гавани и эвакуацию, чтобы остановить кровавый хаос, который начался, когда люди поняли, что им уже нечего терять. Ты сам помнишь, как это было, когда они больше не смогли скрывать, и никакие репрессии не могли это задавить. Согласись, придумать утешительную сказочку - это был единственный логичный выход.

- Ты только забываешь, что я сам работаю на Гавань. Ты же не думаешь, что я вру тебе?

- Ты инженер-электрик. Ты сам говорил, что ты отвечаешь только за подачу энергии установкам Гавани, но физика самого процесса - не твоя область. А вот скажи - разве не хватит этой энергии, чтобы просто сжигать тела всех, кто туда заходит? Просто сжигать - и все?

- Ну... - пробормотал он, - так сразу не скажешь, зависит от способа... аннигиляции... но по порядку величин, думаю, да. Но...

- Вот видишь! - перебила Кларисса. - Кто вообще может знать, что происходит с отправляемыми назад? Это же как со сказками всех религий про загробную жизнь, - в религии ни один из них не верил, это было одним из пунктов, поспособствовавших в свое время их сближению. - Нам пообещали жизнь после смерти... после смерти всей Земли... и предложили просто поверить в то, что проверить мы не можем.

- Я думаю, - медленно сказал Альберт, - что если бы нам пытались скормить сказку, то эта сказка была бы намного более простой. Типа что Гавани - это порталы, которые ведут на счастливую параллельную Землю, где реки текут молоком и медом и биткоин всегда растет. В такое поверили бы гораздо легче и охотнее. Но именно сложность и трудность для понимания теории, лежащей в основе Гаваней, и является гарантией ее правдивости.

Кларисса промолчала, и он после паузы добавил с невеселой улыбкой:

- Мы начали наше знакомство с разговора о Гаванях и заканчиваем им же.

- А о чем еще теперь говорить? Не о любви же. О любви говорить уже слишком поздно.

Восемь месяцев до конца света

Их знакомство произошло практически по классическому канону о благородном рыцаре, спасающем деву в беде - с поправкой на современные реалии и в лайт-версии. К счастью, в лайт - Альберт не отбивал ее у насильников и грабителей, хотя такие опасности были весьма актуальны в предыдущем году, до создания Точки возврата и начала строительства Гаваней. В тот жуткий период Кларисса больше месяца просидела, не выходя из дома. Тогда ее спасителем был сосед Клаус Келлер, отставной военный, приносивший ей еду и прочее необходимое. Кларисса звала его за это Санта Клаусом, но с ним никаких романтических отношений у нее не возникло, да и возникнуть не могло. Ему было под 60, он к ней относился скорее как к оставшемуся без попечения ребенку, чем как к женщине, а в конце концов он так и сгинул где-то в уличном хаосе, не вернувшись из очередной экспедиции за провиантом. Кларисса не представляла, что будет с ней теперь, но вскоре после этого, в начале минувшего ноября,

объявили о создании Точки, и хаос пошел на убыль (пусть и не сразу - уж больно экзотичной оказалась надежда на спасение, но все же это была надежда). К марту полиции и военным удалось вернуть преступность практически к докризисному уровню - во всяком случае, так рапортовала официальная статистика (а никакой другой в условиях чрезвычайного положения и санкционированной им цензуры уже и не было). Но ситуация в экономике была далеко не такой радужной, и не только потому, что чуть ли не весь бюджет был брошен теперь на строительство Гаваней и электростанций для обеспечения их энергией (ну и на охрану порядка, само собой). Просто, когда уже до всех без исключения дошло, что любые накопления, сбережения и инвестиции в будущее потеряли всякий смысл, слишком многие стали бросать работу, рассудив, что последний год в истории как-нибудь доживут и на те средства, что у них уже есть. И если в тоталитарных странах такая тенденция была пресечена на корню посредством трудовой повинности с расстрельно-палочной дисциплиной (причем палочной в самом буквальном смысле - старый добрый страх перед физической болью здесь и сейчас оказался надежнее всех прочих соображений), то в демократиях поначалу не было никаких средств, кроме увещеваний, которые совершенно не действовали. Разумеется, долго эта идиллия всеобщего отпуска продолжаться не могла. Когда все покупают и никто не производит (кроме все тех же тоталитарных стран, которые, однако, тоже начали резко сворачивать экспорт), цены летят вверх, и оказывается, что денег, распланированных до конца года, не хватит и до конца месяца. Но это не означало, что теперь люди просто вернуться к работе. Слишком многим было уже некуда возвращаться. Спрос на многие товары обвалился. Хотя богачи стремились в последний год насладиться жизнью по полной, они одни не могли вытянуть рынок, а большинство по мере роста цен резко осознало, что способно обойтись без последней модели автомобиля, телевизора или смартфона. Банковская сфера тихо умерла, точнее, перешла под контроль государства, занявшегося попросту распределением финансов на нужды все тех же двух основных теперь сфер бюджета; никто уже не давал кредитов больше чем на пару недель, и те - под безумные проценты. Строительная сфера держалась только на государственных заказах, связанных с Гаванями; возведение жилой или, тем паче, коммерческой недвижимости, как, впрочем, и любые проекты со сроком окупаемости больше пары месяцев, не интересовали уже никого. Страхование скончалось в агонии еще во время предыдущего хаоса и так больше и не возродилось. Использовать свой последний шанс попутешествовать хотелось многим, но законы о чрезвычайном положении убили международный туризм и сильно подорвали внутренний. Все это, в свою очередь, ударило по транспортной сфере, и т.д. и т.п.

Более-менее держался только рынок товаров первой необходимости, в первую очередь - продовольственных, но и его отчаянно лихорадило, несмотря на все попытки государства стабилизировать ситуацию. Об экзотических фруктах из дальних стран уже никто не вспоминал, но и самые, казалось бы, простые и естественные продукты местного производства внезапно исчезали или опять-таки взлетали в цене до совершенно безумного уровня. Вот так и получилось, что в один сырой и хмурый мартовский день Кларисса отправилась в город на охоту за яйцами, которые совершенно пропали из известных ей магазинов.

Охота оказалась неудачной. Проездив весь день, она обнаружила яйца только в одном месте, и то по такой цене, словно они были сделаны из золота (цены на золото, кстати, напротив, сильно упали). Финансовое положение самой Клариссы было к тому времени уже весьма скверным - работы у нее не было уже давно, а наследство Маркуса (оказавшееся к тому же меньше ожидаемого из-за не положенной самоубийцам выплаты по страховке) благополучно доедала гиперинфляция. Так что из магазина (больше напоминавшего тюрьму с толстыми решетками на окнах, железной дверью и крепкими охранниками с лицензией на оружие - прежде Кларисса не видела таких мер безопасности даже в ювелирных) она вышла ни с чем. В довершение неприятностей она еще и заблудилась, свернув на какую-то глухую дорогу между бетонными заборами промзоны (ставшую еще более глухой после закрытия находившихся за

заборами предприятий). GPS уже тогда работал с перебоями - одни говорили, что из-за влияния Немезиды на солнечную активность, другие - что сигнал глушат военные, дабы помешать реальным или придуманным экстремистам. Опасаясь заехать на ночь глядя совсем уже неведомо куда, она остановилась на обочине под железнодорожным мостом, способным служить ориентиром, и достала из бардачка бумажную карту (устаревшую на 20 лет и случайно найденную ею при разборке оставшихся от Маркуса вещей). И вот тут ее мотор заглох.

Кларисса вынула ключ из зажигания, подождала три минуты и попробовала завестись снова. Это было единственное, что она умела делать в таких случаях, и пару раз в прошлом это помогало. Но не в этот раз.

Кларисса, безмолвно взыв при мысли, во сколько ей это обойдется, попыталась дозвониться в техпомощь. Но из трубки звучали одни лишь длинные гудки. Даже не автоответчик. Хотя спрос на ремонт старых машин, в отличие от покупки новых, был - учитывая, как все работало в последнее время, это было не слишком удивительно.

Положение становилось из просто неприятного по-настоящему опасным. Она застряла одна в глухом и подозрительном месте, уже темнеет, и скоро комендантский час. К тому же к вечеру температура опустилась ниже нуля, и в машине с неработающим двигателем становилось холодно.

Кларисса впала в растерянный ступор. Она сидела, съезжившись над рулем, и не знала, на что решиться. Позвонить в полицию? Ей казалось, что заглохший мотор - недостаточно серьезный для этого повод, и кроме того, полицейских она боялась. После прошлогоднего хаоса они стали какие-то особенно злые. Хотя, конечно, если ее застукают здесь во время комендантского часа, то будут еще злее. Могут и вовсе застрелить, закон им это позволяет...

Мимо с интервалом в несколько минут проехали в том же направлении две машины, но ни одна не замедлила ход возле мигавшего аварийкой автомобиля Клариссы, а та, в свою очередь, оба раза не успела выскочить и подать им знак, прося помощи - да и не была уверена, что хочет это делать. Кто знает, кто там сидит, в тех машинах... Кларисса не успела их толком разглядеть - вторая так и вовсе пронеслась чуть ли не с двойным превышением скорости, явно торопясь куда-то до начала комендантского часа.

И тут из сгущающихся сумерек появился он - герой на белом коне, точнее, на белом "фольксвагене", едущий навстречу. Сбросил скорость, очевидно, взглядываясь в одинокую фигурку за рулем мигающего аварийкой на обочине "вольво", затем остановился. Не стал задавать идиотского вопроса "У вас все в порядке?" (да, разумеется, она просто остановилась тут позагорать!), а сразу спросил по делу - "Чем я могу вам помочь?"

У него был такой мягкий располагающий голос и в то же время надежный вид уверенного в себе человека, что Кларисса сразу же поверила - это не насильник и не грабитель. Хотя в общем случае это, конечно, глупость, многие преступники умеют располагать к себе своих жертв - но ее интуиция, постоянно пищавшая ей тревожным зуммером в ухе с того дня, как у нее на глазах мозги Маркуса забрызгали потолок их кухни, вдруг замолчала. А точнее - запела совсем в другой тональности.

- У меня машина заглохла, - сказала она и добавила, не желая выглядеть совсем уж безграмотной дурочкой: - Возможно, это аккумулятор. Сможем "прикурить" от вашего?

- Давайте посмотрим. Аккумуляторы - это по моей части, - улыбнулся он. - Откройте капот.

- Вы автомеханик? - не поверила такой удаче она.

- Не совсем, - он вновь улыбнулся. - Инженер-электрик. Можете мне посветить? Нет, не телефоном. У вас есть фонарь? Возьмите мой.

Быстро выяснилось, что аккумулятор тут ни при чем.

- Судя по всему, это свечи, - сказал он. - Заменить их не сложно, но магазины и мастерские уже закрыты. Вы где живете?

Она назвала свой адрес с точностью до улицы, хотя благоразумие подсказывало, что, возможно, не стоило пускаться в такую откровенность с незнакомцем.

- Далеко, - покачал головой он. - До комендантского часа никак не успеть. Знаете что? Я понимаю, как это прозвучит, но... я живу ближе, и у меня дома в гараже есть запасные свечи. Я могу отбуксировать вас и поставить их. Но, конечно, вернуться сегодня вы уже не успеете. Но у меня есть гостевая комната. Она даже запирается изнутри, - поспешно добавил он. - А завтра утром поедете. Как вам эта идея?

- Я... - растерянно пробормотала Кларисса, которой очень хотелось ответить "Да!"

- ... не можете принимать приглашения от незнакомца, понимаю, - кивнул он. - Я Альберт. Могу показать документы, - он и в самом деле протянул ей пластиковую карточку, на которой она мало что различила в полумраке. - Теперь я уже не незнакомец? Хотите - позвоните своим друзьям и продиктуйте все данные. Плюс, конечно, по дороге вы будете сидеть в своей машине и сможете звонить им и говорить, куда едете, даже отсылать видео. Я даже не буду об этом знать. Так что, как видите, все вполне безопасно. Уж точно безопаснее, чем оставаться здесь.

Ей было некому звонить, но она с серьезным видом кивнула: - Да, так и сделаю. Позвоню по дороге и когда приедем.

- Вот и отлично, значит, договорились. Кстати, как вас зовут? А то, - он вновь улыбнулся, - мне тоже было бы неблагоразумно пускать домой незнакомку.

- Кларисса, - она не стала показывать ему документы, но он и не потребовал, а лишь кивнул:

- Красивое имя. Не думайте, что это дежурный комплимент. Мне правда нравится.

Они все-таки опоздали на четыре минуты - как-никак, буксировка - это не езда с обычной скоростью, и Клариссу это заставило понервничать, но, к счастью, никакой патруль им не попался. Альберт жил в предместье, как и она сама, но в другом, с другой стороны города. Она никогда не бывала там прежде и вряд ли побывала бы, если бы не эта встреча.

Он действительно начал с того, что починил ее машину, словно демонстрируя, что это и была его главная цель. И лишь когда Кларисса убедилась, что мотор заводится, пригласил ее в дом.

Переступая его порог, она еще не знала, что в свое прежнее жилище уже никогда не вернется.

- Сколько я вам должна? - решительно спросила Кларисса, снимая пальто в его прихожей. - За свечи и вообще за хлопоты.

- Один ужин, - улыбнулся он и тут же словно смутился: - Извините, если прозвучало пошло. Но мне действительно не нужны ваши деньги. Моя работа хорошо оплачивается. Причем не только деньгами, но и продуктовыми пайками, что сейчас, похоже, становится важнее... Как раз вчера выдали очередной, так что приглашаю вас его со мной разделить. Вина предложить не могу - сами понимаете, сухой закон, да и вы подумали бы, что я пытаюсь вас напоить. Но попьем горячего чаю с пирожными. Тоже очень подходит, чтобы согреться.

- Вы живете один? - для проформы уточнила она, когда они уже сидели у него на кухне.

- Да, - кивнул он. - Вы, наверное, подумали, что я легко завожу знакомства, но на самом деле... откровенно говоря, вы первая женщина, переступающая порог этого дома. Ну, если не считать агента по недвижимости, которая мне его продала, - улыбнулся он в очередной раз. - Знаете, работа никогда не оставляла мне времени... по крайней мере, ни на что серьезное. А несерьезного я не хотел сам. А вы... - он задержал взгляд на ее руке, где не было обручального кольца, - я так понимаю, не замужем? Только не подумайте, что я лезу в вашу личную жизнь, - поспешно добавил он.

- Я была замужем, - ответила Кларисса. - И на вторую годовщину нашей свадьбы мой муж попытался меня застрелить.

- О, - только и смог сказать Альберт.

- Это было полтора года назад. Он работал на правительство, поэтому узнал одним из первых. И решил избавить меня от страданий. Чтобы я умерла в счастливом неведении. Но у него не хватило духу это сделать. Вместо этого он застрелился сам.

- Что ж - стоит поблагодарить его за это, - вырвалось у Альберта, и тут же он спохватился: - Простите, я ляпнул жуткую бестактность. Я имел в виду - хорошо, что он не убил вас...

- Я сама еще долгое время считала его просто психом, свихнувшимся на своей работе. Пока они, наконец, не объявили. Только тогда я поняла его истинный мотив. Но да, хорошо, что он этого не сделал, - она отломил вилкой кусок пирожного и запила его чаем, затем снова поставила чашку на блюдце. - А вы... - ее поразила новая мысль, - вы случайно не из той же конторы? Вы сказали, что вы инженер, но - пайки и все такое...

- Нет, я действительно инженер-электрик. Занимаюсь энергообеспечением Гавани.

- Правда? - обрадовалась Кларисса. - Ну наконец хоть кто-то объяснит мне, как работают эти штуки. Я, конечно, читала и про квантовую суперпозицию, и про спуск с горы на лыжах, но все равно не смогла ничего понять. Все это кажется каким-то абсурдом.

- Ну, вообще-то я и сам не физик, - ответил Альберт. - Я отвечаю только за подачу электричества. А что там происходит дальше... честно говоря, я сомневаюсь, что и сами физики понимают это до конца. Квантовая физика вообще плохо совместима с человеческой логикой. Как сказал кто-то из ее создателей еще в прошлом веке в ответ на просьбу пояснить смысл ее уравнений - "просто заткнись и вычисли!"

- Просто заткнись и топай в Гавань, - пробурчала Кларисса.

- Угу... Знаете, многие ругали власти за то, что они ничего не рассказывали до самого создания Точки. Мол, если бы людям все объяснили раньше, то и беспорядков бы не было. Я и сам тогда так считал - я же еще ничего не знал, меня подключили, только когда начали строить Гавань - "Если у правительства действительно есть план, пусть расскажет, какой! Мы хотим знать правду, какой бы она ни была!" А сейчас уже думаю, что они были не так уж неправы. Все равно бы никто не поверил - особенно после всего предшествовавшего вранья. Уж слишком экзотической оказалась эта правда.

С враньем и в самом деле переборщили. Правительства Земли признали, что "безграмотные и абсурдные слухи об угрозе из космоса, распространяемые желтой прессой и ищущими дешевой популярности блогерами", являются, таки да, чистой правдой, когда Немезиду, показавшуюся из-за диска Солнца, могли наблюдать уже все астрономы-любители. Впрочем, эти признания сопровождались официальными заявлениями, что ученые работают над спасением человечества, что теоретические основы этого спасения, собственно, уже заложены, и дело только за практической реализацией, для которой имеется достаточно времени и материальных ресурсов (хотя срочность и масштаб работ и потребуют определенных чрезвычайных экономических мер), но в целом ситуация под контролем и оснований для паники нет.

Естественно, нет более верного средства вызвать панику, чем официальное правительственное заявление, что оснований для паники нет. Тем более что в интернете немедленно объявилось сто тысяч экспертов, доказавших как дважды два, что все утешительные слова властей - ложь, и никакой возможности спасти человечество - или хотя бы нескольких представителей человеческого вида - нет и быть не может. Это же не астероид, которые они так хорошо научились сбивать в голливудских фильмах! Это нейтронная звезда массой в четверть Солнца, с которой нельзя поделаться аб-со-лют-но ни-че-го! Осколок от взрыва далекой Сверхновой, летящий с такой скоростью, что... На вопрос, что "что", земная наука однозначно ответить не могла - не хватало информации, но, в общем, моделирование давало только два варианта. Либо Немезида врежется в Солнце и не сможет его пробить - тогда вся ее кинетическая энергия превратится в тепловую, что будет означать взрыв, который разнесет и

Солнце, и всю Солнечную систему. Либо она все же прошьет Солнце насквозь - но и в этом случае ее сила тяжести успеет вызвать гравитационный коллапс солнечного вещества, в результате чего привычное землянам светило вспыхнет Новой звездой, и эта вспышка опять-таки сожжет все внутренние планеты. Не спасли бы даже колонии на Марсе, если бы они и были (а их нет). Строить межзвездные корабли люди не умеют и за полтора года уж точно не научатся. Единственное, что еще можно было бы сделать - это отправить к звездам зонд типа "Вояджера" в более современной версии, разместив на борту капсулу с замороженными человеческими зиготами - в надежде на то, что через миллиард лет какие-нибудь инопланетяне его перехватят, разморозят, расшифруют приложенную инструкцию и вырастят новых людей в своем инкубаторе. Возможно, когда правительство говорит о "проекте по спасению человечества", оно имеет в виду именно это. Но, во-первых, вероятность успеха такой миссии - даже не одна квадриллионная, а на много порядков меньше, просто соотнесите размер зонда с кубическими парсеками космической пустоты, а во-вторых, даже если бы такое и случилось, нас всех, которые погибнут без остатка здесь и сейчас, это слабо утешает.

Экспертов принялись немедленно давить, причем отнюдь не методами научной дискуссии. С удивительной быстротой даже в странах, еще вчера считавших себя оплотом свободы слова, были приняты драконовские поправки в уголовные кодексы, карающие за "распространение панических настроений" и "дискредитацию мер по спасению человечества". Но в чем именно состоят эти меры - кроме, понятное дело, принятия все новых постановлений о чрезвычайном положении, государственном регулировании, особых полномочиях, уголовной ответственности и прочего закручивания гаек - по-прежнему оставалось неизвестным. Конспирологи в недоступном цензуре даркнете и уличных листовках договаривались до того, что нет не только никакого плана спасения, но и никакой Немезиды, все это - всемирная афера с целью распила и отмывания денег, удушения гражданских свобод и отмены выборов, а если даже что-то там такое (что можно разглядеть уже в простой бинокль) и есть, то оно пролетит мимо, никому не причиняя вреда.

Но главную проблему представляли, конечно, не фрики, не верившие в реальность угрозы, а как раз наоборот - те, кто ничуть не сомневался, что менее чем через два года не останется ни их самих, ни кого-либо пострадавшего от их поступков, ни даже памяти об этих поступках. От человечества не останется вообще ничего, даже спутников на орбите, даже каких-либо следов, которые могли бы когда-нибудь обнаружить инопланетяне, и, значит, закон, мораль и все социальные институты потеряли всякий смысл. Настало время воплощать напоследок все свои желания и фантазии, включая самые темные, в которых прежде боялись признаться даже себе.

Религии, как и всегда, помогали от этого очень плохо. Наоборот - возникло множество темных культов, поклонявшихся Немезиде (или Тому, кто послал ее) и практиковавших самые извращенные и безумные оргии и человеческие жертвоприношения. Страх перед близкой и осязаемой земной карой поначалу работал лучше. Все-таки гарантированная всеобщая гибель - это более чем через полтора года, а отправиться на электрический стул, в газовую камеру или расстрельный подвал (смертная казнь была с рекордной скоростью восстановлена практически повсеместно), получить пулю от патруля или сесть в тюрьму на весь оставшийся срок можно уже сейчас. Однако в условиях, когда из всех наказаний (во всяком случае, в демократических странах, где никто так и не осмелился предложить легализацию пыток) фактически остались только два - смертная казнь и пожизненное заключение (означавшее в теперешних условиях всю ту же смертную казнь с отсрочкой даже меньшей, чем обыкновенно занимала эта процедура со всеми апелляциями в докризисные времена), возникла традиционная проблема чересчур суровых (как, впрочем, и чересчур мягких) наказаний: если за крупное и мелкое преступление карают одинаково, какой смысл ограничиваться мелким? Если и за кражу, и за изнасилование, и за убийство все равно полагается смерть, зачем оставлять в живых свидетелей и потерпевших,

лишь повышая риск поимки? А уж тем более если "через год они все равно подохнут"? И по мере того, как роковая дата приближалась, эти соображения охватывали все больше прежде, казалось бы, нормальных законопослушных граждан - не говоря уже, разумеется, о тех, что не были законопослушными и прежде.

Полиция и войска не справлялись. Улицы крупных городов даже днем превращались в поле боя. Помочь могла бы самоорганизация сознательных жителей в отряды самообороны, но власти, как всегда, предпочитали идти по пути запретов и объявили о конфискации оружия у всех, кроме сотрудников правоохранительных органов и приравненных к ним. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что там, где вооруженные отряды самообороны все же возникали, не так уж редко они со временем перерождались в банды, сперва торгующие своими охранными услугами, а потом навязывающие их - и, по мере обесценивания денег, берущие плату натурой, любого рода.

Цивилизация катилась к гибели еще до всякой Немезиды, правительства же тем временем выпускали заявления, что ученые в тесном сотрудничестве со своими зарубежными коллегами успешно работают над решением проблемы, осталось совсем чуть-чуть и необходимо соблюдать спокойствие и выполнять все распоряжение властей. И, несмотря ни на что - "вопреки всякой логике", как писали недобитые эксперты в даркнете - многие по-прежнему в это верили. Просто потому, что человеку свойственно верить и надеяться даже в безнадежной ситуации. В конечном счете, видимо, именно это "инфантильное нежелание взглянуть правде в глаза", по выражению все тех же экспертов, а не бронетранспортеры, расстреливавшие мародеров на улицах, и спасло цивилизацию от окончательного погружения в хаос.

А потом по всем каналам, даже из громкоговорителей, установленных на разъезжающие по улицам бронев автомобили, прозвучало Заявление.

Решение найдено. Все человечество будет успешно эвакуировано. Точнее (это подчеркивалось) - все законопослушные его представители.

Но не в космос. И даже не в параллельный мир, о чем мечтали романтики, уже вообразившие себя фэнтезийными героями, летающими на драконах.

В прошлое.

Не в античность и не в средневековье (к разочарованию все тех же романтиков). В совсем недавнее прошлое, где люди продолжают жить своей привычной жизнью. Никому не придется адаптироваться к ней заново.

Поначалу было сказано только это. Потом, когда первая эйфория, вызванная словами "решение", "спасение" и "эвакуация", прошла, появились подробности.

Да, путешествия во времени возможны, но не в таком виде, как это описывали в фантастике. Нельзя отправиться в древний мир, чтобы принести туда наши знания, ускорить развитие цивилизации и успеть построить межзвездный флот к прибытию Немезиды. Нельзя вообще отправиться в произвольное время. Можно лишь вернуться в заранее созданную точку - вроде как восстановиться из старой записи в компьютерной игре. Разумеется, никогда прежде в истории человечества таких точек не было, естественным путем они возникнуть не могут. Единственная создана прямо сейчас. В нее мы все и вернемся через год.

Да - Немезида никуда не денется, поэтому еще через год мы вернемся опять. И снова, и снова, и снова.

При этом устроить фокус с ускорением прогресса хотя бы по частям, каждый год продвигаясь к строительству звездного флота по чуть-чуть, тоже не получится. Это только в глупом фильме "День сурка" (и куче ему подобных) весь мир возвращался в прежнее состояние, и лишь герой каким-то чудесным образом сохранял память обо всех предыдущих итерациях, словно его сознание существовало отдельно от тела и всего остального мироздания. Нет уж - возвращение так возвращение. В исходное состояние возвращается все - и клетки мозга, и любые записи. Опять-таки, как в игре - не с точки зрения игрока, внешнего по отношению к

миру игры, а с точки зрения ее персонажа. Да, это означает, что мы ничего не будем помнить о прожитом годе (в отличие от всей предыдущей нашей жизни). Мы просто получим возможность прожить его заново. Это не будет осточертевшее кружение в одной и той же временной петле, мы не обречены на вечное повторение - мы сохраняем свободу воли и возможность как угодно менять свою жизнь, так что этот год будет проходить для нас каждый раз по-новому и без всякого ощущения déjà vu. Радуйтесь, люди - мы не просто спаслись от Немезиды, мы обрели бессмертие!

- Все-таки, я не понимаю, - продолжала разговор Кларисса. - Я всегда считала, что время - самая объективная вещь во вселенной. Что оно властно над всем и уж точно никак не зависит от человеческих представлений о нем и от самого существования людей. А теперь мне говорят, что время - всего лишь человеческая иллюзия.

- Не иллюзия, - ответил Альберт. - Эффект воспринимающего сознания. Хорошо, я объясню, как я сам это понимаю - хотя я, повторяюсь, не физик. Вы говорили, что читали про квантовую суперпозицию...

- Читала, но не слишком поняла. Вроде как элементарная частица находится во всех возможных состояниях одновременно, пока на нее не посмотрит наблюдатель. Тогда она схлопывается к какой-то там функции...

- Тогда ее волновая функция схлопывается к одному из этих состояний, - поправил Альберт - Это означает, что частица, или, в общем случае, любой квантовый объект, принимает это состояние.

- Не понимаю, как такое может быть. Откуда частица узнаёт, что на нее посмотрели?

- На сей счет существуют разные интерпретации. Включая ту, что на самом деле частица так и остается во всех состояниях. Но наблюдатель воспринимает только одно из них и тем самым как бы делает выбор, предопределяющий его восприятие дальнейших состояний той же частицы. И, похоже, именно эта интерпретация и оказалась верной. Хронотеория, лежащая в основе Гаваней, исходит из того, что не только элементарные частицы, но и вся Вселенная в целом, точнее, пространственно-временной континуум, представляет собой квантовый объект. Будущее - это квантовая суперпозиция всех возможных состояний этого объекта. А время - это, собственно, процесс схлопывания этих состояний к единственному варианту, который и становится настоящим, а затем прошлым. Но для того, чтобы происходило это схлопывание, необходим наблюдатель. В роли которого выступает человек и вообще любое сознание. Собственно, сознание и есть способность обеспечивать это схлопывание, или воспринимать течение времени, что то же самое. Ибо сознание обладает памятью о прошлых состояниях, без которого просто не может существовать, но именно это его свойство создает понятие "прошлое" и само направление стрелы времени.

- То есть, пока не появились люди, времени не было? А как же динозавры и все, что было раньше? Как же необитаемые планеты в космосе, о которых мы даже не знаем? Там что - время не течет?

- Там просто некому воспринимать его течение. Хотя можно сказать и так, что не течет точно так же, как никуда не течет пространство. Оно просто существует, но само по себе не движется - движется лишь осознающее сознание, извините за тавтологию. Процесс осознания и есть это движение. Это как с фильмом, который сам по себе - просто набор статичных кадров, которые связаны друг с другом - если угодно, причинно-следственными связями - но объективно существуют все одновременно. Эффект движения и развития событий от начала к концу появляется лишь в сознании смотрящего фильм зрителя. Но фильм линейен, в нем за каждым кадром может следовать только один. А пространственно-временной континуум существует сразу во всех возможных состояниях на всем протяжении времени. А сознание в каждый момент выбирает одно из состояний и таким образом движется вдоль времени, что в совокупности с движением в пространстве образует так называемую мировую линию - траекторию движения в

континууме. А Гавани обеспечивают возвращение вдоль мировой линии до ранее созданной точки возврата. Аналогия с горой и лыжами, на которой это обычно поясняют, конечно, не точна, но достаточно наглядна. Гора, то есть континуум, едина, она существует всегда и никуда не девается, независимо от действий и местонахождения лыжников. Но лыжники могут спускаться с нее разными маршрутами, это и есть мировые линии. Внизу они могут сесть на подъемник и подняться наверх - но только при условии, что подъемник уже построен, и только до точки, до которой он ведет. А оттуда снова съехать по той же горе уже другим маршрутом, и так сколько угодно раз. Всякий раз получая новое удовольствие, - с усмешкой закончил он фразой, которой принято было заканчивать эту аналогию в официальных статьях.

- Но лыжники помнят о прошлых спусках. И даже если подъемник будет стирать им память, они увидят следы от лыж. Кроме того, подъемников можно построить много, а Точка возврата может быть только одна.

- Я же говорю - эта аналогия неточна. Как, впрочем, и любая аналогия... Тут уже ближе сравнение с записью в игре, в которой все игроки могут записываться только в один слот. А если языком физики, то существует квантовый запрет, не позволяющий существовать двум точкам возврата для одной волновой функции, а поскольку все человеческие мировые линии находятся в области одной волновой функции - упрощенно говоря, любой человек потенциально может вступить во взаимодействие с любым, живущим в тот же период - то и вернуться все люди могут только в одно место, точнее, время.

- Я вот еще чего не понимаю, - продолжала Кларисса. - Допустим, кто-то не эвакуировался, по приговору за нарушение закона, или неважно почему. А его родные эвакуировались. Но они же там, в прошлом, все равно встретят его? Потому что он же там был? Или это будет уже не он, а... бездушная кукла, которая будет двигаться, говорить, но ничего не осознавать? Потому что его сознание осталось в будущем?

- Не совсем так, - ответил Альберт. - Сознание - это не душа в религиозном смысле. Это вообще не объект, а процесс. Это будет тот же самый человек на протяжении всей своей мировой линии, просто с прилетом этой дряни для него настанет конец, а для его родных нет. Тут как - еще одна аналогия, да - с лентой Мёбиуса. Которую можно разрезать поперек, и она станет обычной полоской, имеющей начало и конец. До сих пор все люди и были такими полосками. А можно снова склеить и замкнуть. Ну или, опять-таки, запись в компьютерной игре, из которой можно восстановиться, пока игрок жив. А после его смерти восстанавливаться уже некому, хотя запись по-прежнему существует...

- А если, допустим, человек погиб и, соответственно, не эвакуировался. А его родные эвакуировались и там, в прошлом, предотвратили его гибель. Я понимаю, что они не могут сделать это сознательно, потому что не помнят о его смерти, но, допустим, случайно предотвратили. Свою-то мировую линию они менять могут? Тогда что же получится?

- Вы понимаете, в волновой функции присутствуют одновременно все возможные варианты - подчеркну, только возможные. А сознание вольно или невольно выбирает между ними, формируя таким образом мировую линию. Так вот, если человек погиб, но мог и не погибнуть, то в волновой функции будут и те, и другие варианты - и гибели, и спасения. Но его мировая линия прошла через вариант гибели и завершилась, а значит, такой и останется. А вот мировые линии его родных пройдут по новому пути - через вариант спасения, и для них он останется жив. Для них, но не для него самого. Они как бы увидят другую версию фильма - фильма о человеке, который в жизни умер, но на экране кажется живым. Они никак не смогут это обнаружить, они даже смогут прийти с его квантовой копией в Гавань, но эвакуироваться этой копии некуда, поскольку собственной мировой линии у нее нет. Она существует только для них, но не для себя самой. А в Точке возврата все начнется заново - мировая линия погибшего останется прежней, а у выживших они начнут выстраиваться по-новой. В общем, как я уже сказал, это довольно трудно втиснуть в рамки обычной человеческой логики. Но суть в том, что

с точки зрения самого человека, если он не эвакуируется, то проживет этот год один раз и умрет, навсегда и необратимо. А если эвакуируется, то будет проживать его снова и снова, каждый раз по-разному.

- Но не помня об этом.

- Не помня, но зная, что это происходит.

- Откуда?

- Из уравнений, выведенных физиками.

- Бррр, - поежилась Кларисса. - Вроде понятные слова - подъемник, лента, игра, фильм, а все равно меня жуть берет, когда я обо всем этом думаю, - она отхлебнула из чашки и добавила: - И чай уже остыл.

- Давайте я вам налью горячий, - он забрал ее чашку. - Вообще, я тоже хорош - ужинаю с красивой женщиной и грузу ее такими разговорами.

- А по-вашему, с женщиной нельзя говорить о науке? - изобразила обиду Кларисса. - Ваш идеал - безмозглая куколка, которую интересуют только платья и сериалы?

- Нет, конечно, - смутился Альберт. - Просто я...

- У меня, вообще-то, университетский диплом, - продолжала она. - Пусть и не в области точных наук.

- А в какой? - заинтересовался он.

- Я переводчик. С испанского. Хорошо знаю латиноамериканские диалекты. Но уже давно без работы. Всю эту сферу подмял под себя искусственный интеллект... а теперь всем стало вообще не до этого...

Они проговорили, сидя за столом, еще три с лишним часа. Сперва Кларисса больше рассказывала о себе. В частности, она рассказала, как, дав показания полиции, думала, что вернется в дом Маркуса только за вещами. Она не могла себе представить, что когда-нибудь сможет снова готовить и тем более есть на *той самой* кухне. Но оказалось, что ее муж, этот педант и аккуратист, не оставил завещания (хотя и страховал свою жизнь - как оказалось, напрасно). И, хотя Кларисса была единственной наследницей первой очереди, медлительный докризисный закон отводил год на поиск других претендентов - и, соответственно, до истечения этого срока вступить в права наследования она не могла. Так что, не имея средств не то что на покупку, но даже на аренду нового жилья, она после нескольких дней в гостинице вынуждена была вернуться. Это оказалось не так страшно, как ей представлялось - острота воспоминаний уже притупилась, никакие призраки ее не преследовали (ни в буквальном смысле, в который она не верила, ни в переносном), и тошнота к горлу при взгляде на пол и потолок кухни (давно уже, разумеется, тщательно отмытые специализирующейся на таком службой) тоже не подступала. И все равно она хотела продать этот дом, слишком большой для нее одной, как только истечет год. Но все полетело к чертям гораздо раньше, и Кларисса решила, что оставаться одной в этом доме попросту небезопасно и надо продать его хоть за какую цену, хотя бы даже и не вполне легально, чтобы приобрести жилье в многоквартирном здании, где ее могли бы защитить соседи. Несмотря на то, что дом она продала за полцены (не дождавшись, как выяснилось, всего нескольких дней до официальной отмены временных ограничений в законе о наследовании), а маленькую квартирку в старом здании, возведенном чуть ли не сразу после Второй мировой, купила втридорога, это было мудрое решение. Тогда, на фоне нарастающего хаоса, именно соседская взаимовыручка спасла многих. Правда, лучше всего таковая работала в сообществах, где все давно знали друг друга, а Кларисса была для своих соседей человеком новым и притом в практическом плане бесполезным. Но все равно, ее добрым ангелом стал "Санта Клаус", взявший ее под свое покровительство. Однако через несколько недель после того, как он сгинул, в его квартиру въехал какой-то подозрительный тип, похожий на наркомана. Кларисса избегала встречаться с ним в коридоре или на лестнице; впрочем, он к ней ни разу не цеплялся и вообще игнорировал - как, похоже, и остальных соседей. Может быть, на самом деле он вовсе и не был

наркоманом (за наркоторговлю теперь полагалась смертная казнь), а был просто нелюдимым и нездорово выглядящим парнем, из тех, что сутками сидят за компьютером в комнате с задернутыми шторами и редко выходят на улицу...

Альберт внимательно слушал ее (редкое умение для мужчины, отметила про себя Кларисса - обычно они предпочитают говорить сами и быть в центре внимания), а на ее вопросы поначалу отвечал, что ему самому и рассказывать-то нечего - "детство типичного отличника и маменькина сына, потом учеба, а потом одна только работа, и это все". Даже кризис по нему практически не ударил, ибо его работа считалась теперь одной из самых важных, и государство обеспечивало ему все необходимое и даже сверх того. Но постепенно разговорился и он, и у них нашлось неожиданно много общего во взглядах и интересах за пределами профессиональных сфер (сериалы он, кстати, не смотрел принципиально - как и она). Наконец Кларисса спохватилась: "Ой, мы так до утра проболтать можем, а вам же завтра на работу... то есть, сегодня уже". Он проводил ее в гостевую комнату, извинился, что не может предложить пижаму (она ответила, что не любит спать в пижаме, тут же подумав, не прозвучало ли это слишком фривольно), пожелал спокойной ночи и откланялся. Замок на двери и в самом деле имелся, и некоторое время Кларисса раздумывала, стоит ли запирается. Нет, она вовсе не хотела, чтобы он пришел к ней посреди ночи. Она вышла замуж девственницей и была не из тех, кто прыгает в постель при первом знакомстве. С другой стороны, ей казалось, что запереться - значит подчеркнуто выразить свое недоверие к нему, которого она, на самом деле, не испытывала и испытывать не хотела. С третьей стороны - если он и впрямь порядочный человек, каким она его считает, он и не попытается войти, а значит, и не узнает, запиралась она или нет. Ну а если все же попытается и запора не будет, то он однозначно воспримет это как приглашение. Так что, вздохнув, она все же повернула ручку замка и легла спать.

Проснулась она поздно, был уже день - причем, в отличие от нескольких предыдущих, солнечный. Погоду в последнее время тоже лихорадило, прогнозам невозможно было доверять. Если бы она знала накануне, что, наконец, распогодится - поехала бы за яйцами сегодня. И не встретила бы Альберта.

А он - выходит, он ушел на работу, оставив ее в своем доме одну? Он явно доверял ей больше, чем она ему. Даже если деньги спрятаны в каком-нибудь сейфе (после краха банковской системы все снова перешли на наличные), в этом доме все равно наверняка есть что украсть. Притом, что он уже знает о ее непростом финансовом положении и не знает, где в случае чего ее искать. Ее документов он не видел, а адрес (с точностью до улицы) и все узнаваемые детали, какие она ему рассказала, могли быть выдумкой ловкой мошенницы. И тем не менее - он ей поверил. Ей стало стыдно за задвинутую защелку.

Только тут она заметила листок бумаги, лежавший на полу и, очевидно, просунутый под дверь.

"Кларисса,

позавтракайте на кухне, берите там все, что захотите. Если будете уходить, пожалуйста, убедитесь, что входной замок закрылся. Ваша машина в гараже, код 1723. Если что-то понадобится - мой телефон..."

Если будете уходить, улыбнулась она. Не "когда", а "если". Нет, она, конечно, уйдет - было бы слишком нагло воспользоваться этим приглашением прямо сейчас. Но непременно позвонит ему вечером, хотя бы чтобы поблагодарить за гостеприимство. Она достала мобильный, чтобы записать номер.

И тут телефон зазвонил прямо у нее в руке. Она подумала, что это Альберт (хотя номер был другой - ну понятно, он мог звонить с рабочего), и только уже нажимая на иконку ответа, вспомнила, что свой телефон ему не давала.

Голос был мужской, но незнакомый, и говорил с холодной казенной интонацией.

- Кларисса Гальдер? - он назвал ее по фамилии мужа, от которой она уже успела

отвыкнуть. Но, очевидно, в каких-то базах данных она все еще фигурировала.

- Да, - ответила она после паузы.

- Проживаете по адресу... - он назвал ее адрес.

- Да, - вновь подтвердила она с растущим беспокойством. Мелькнула мысль, что с Альбертом случилось какое-то несчастье, и ей звонят из полиции - хотя, конечно, это был вздор, у него нигде не мог быть записан ее телефон...

- С вами все в порядке, госпожа Гальдер?

- Да - а что, собственно, случилось? - перешла в наступление она.

- Случился пожар в доме, где вы проживали. Минувшей ночью. Вам об этом что-нибудь известно?

- Нет... - растерянно пробормотала Кларисса. - Я... не ночевала дома сегодня.

- Вероятнее всего, виновником стал ваш сосед, варивший метамфетамин. Он сам и двое жильцов погибли, один в критическом состоянии, еще двое числятся пропавшими без вести - то есть теперь уже один, ибо вас из этого списка можно исключить. Ваша квартира и две соседних выгорели полностью и восстановлению не подлежат. Боюсь, что из вашего имущества, находившегося по данному адресу, ничего не сохранилось. Страховые компании, как вам известно, теперь также не функционируют. Вам положена разовая компенсация от государства в размере... - он назвал смехотворную сумму, которой по нынешним временам хватило бы разве что на пару месяцев аренды курятника. Очевидно, говоривший это понимал, поскольку сразу задал следующий вопрос: - Вам есть где жить, госпожа Гальдер? Если нет, социальная служба предоставит вам место в общежитии.

Кларисса слышала про эти общежития. В эпоху кризиса власти решили, что ко всему прочему не хватает только путающихся под ногами бомжей, и хотя бы эту проблему надо решить. И таки решили, причем не путем отстрела ее носителей. Бесплатные общежития напоминали что-то среднее между армейскими казармами и тюремными бараками. Койки в два ряда, по тридцать-сорок человек в помещении. Двухразовое питание, душ по расписанию. Чаще всего их оборудовали в бывших школах. Школы позакрывали все, кроме начальных, а еще через пару месяцев должна была дойти очередь и до них. Учить детей чему-то, кроме минимальной грамотности, не имело больше никакого смысла. Эти дети уже никогда не станут взрослыми.

- Спасибо, не надо, - твердо сказала Кларисса. - Мне есть где жить.

Затем оделась и пошла на кухню. Проведя ревизию припасов (были даже яйца!), она решила, что к возвращению Альберта сделает торт. Казалось бы, это блюдо должно было вызывать у нее неприятные ассоциации, но на сей раз она была уверена, что никто не станет тыкать в нее пистолетом. Пока что, конечно, без кремовой надписи... пока что. Но в принципе имена "Кларисса" и "Альберт" тоже можно красиво перекрестить, через букву Л - хотя и не по центру, но симметрично.

Несмотря на свалившиеся на нее новости, несмотря на потерю всего имущества, кроме того, на чем и в чем она сюда приехала (включая остатки наличных, хранившихся в серванте в жестяной коробке из-под печенья), Кларисса чувствовала, что улыбается.

Четыре часа до конца света

Улицы по-прежнему выглядели совершенно безжизненными. По мере движения в сторону центра города все больше становилось мусора и разбитых стекол, что создавало впечатление, будто эти кварталы покинуты не дни, а месяцы назад. Попадались все новые брошенные машины - неудивительно, ведь и сами они бросили "вольво" Клариссы, но они, по крайней мере, оставили его в гараже, где он никому не мешал, а некоторые почему-то бросили автомобили прямо посреди проезжей части. Может быть, конечно, все они просто заглохли на дороге - в последнее время не работали уже ни автосервисы, ни магазины запчастей, да и

вообще не работало почти ничего, кроме автоматики. Никто уже не хотел оказывать услуги за деньги (даже за самые сумасшедшие деньги), потерявшие всякий смысл. *Туда*, в прошлое, забрать невозможно ничего, там у тебя всего - имущества, здоровья, воспоминаний - будет ровно столько, сколько было год назад, не больше и не меньше. Правительство, правда, до последнего старалось обеспечивать поставки топлива на заправки, но и то далеко не на все - а в последний день, скорее всего, не работали даже они. (Альберта это не волновало - он заранее позаботился о полном баке и даже о дополнительной канистре в багажнике, словно им предстояло проехать не одну сотню километров) Несколько раз Альберту пришлось объезжать мертвых собак, также валявшихся прямо посреди мостовой (он мог бы ехать прямо по ним, но брезгливость заставляла его выворачивать руль). Все они лежали в уже засохших лужах крови, одни раздавленные колесами, другие практически целые - очевидно, их застрелили патрули, уже давно получившие приказ убивать на месте всех безнадзорных псов, коих, конечно, с каждым днем становилось все больше. Сейчас уже, однако, никаких патрулей видно не было.

Светофоры, как и опасался Альберт, тоже не горели - что, правда, при полном отсутствии трафика как будто не было проблемой, а вот то, что с наступлением темноты не зажгутся уличные фонари, было уже хуже. За очередным поворотом им открылась и причина - нелепо смотревшийся прямо посреди шоссе экскаватор, чей задранный ковш оборвал провода.

- Похоже, кто-то воплотил в жизнь свою детскую мечту порулить экскаватором, - усмехнулся Альберт. - Получилось у него не очень.

- А по-моему, он сделал это специально, - мрачно ответила Кларисса. - И он был такой идиот, что не подумал, что его же долбанет током.

- Скорее всего, не долбануло, - возразил Альберт. - Кабина защищена от таких вещей, на полу резиновый коврик, на всех рычагах пластиковые накладки.

С того угла, под которым им была видна кабина, она выглядела пустой. Они проехали мимо, не снижая скорость и не проверяя, что там внутри.

- По крайней мере, если провода оборваны только здесь, то дальше электричество может работать, - констатировал Альберт, все еще косясь в сторону экскаватора.

- Смотри! - воскликнула вдруг Кларисса, указывая на противоположный тротуар.

По другой стороне улицы навстречу им ковылял, опираясь на палку, какой-то старик. Это был первый человек, которого они увидели.

- Куда это он? - удивился Альберт. - Гавань в противоположной стороне, даже если бы он пытался дойти туда пешком.

- Мы должны ему помочь! - заявила Кларисса. - Подвезем его!

Альберт не склонен был брать попутчиков в этот последний день, когда не действуют уже никакие законы (во всяком случае, там, где нет полицейских и солдат - а они доселе не видели ни одного) - но старик выглядел совершенно безобидно, и, хотя он не пытался делать никаких знаков машине, Альберт развернулся через двойную сплошную (с усмешкой отметив про себя, что для этого ему пришлось давить водительский рефлекс) и подрулил к незнакомцу.

- Куда вы? - окликнула его Кларисса, опуская стекло. - Мы можем подвезти вас до Гавани!

Старик ничего не ответил, продолжая сосредоточенно шагать вперед. Он даже не показал, что слышит или замечает их.

Альберт остановился у тротуара и, обогнув нос машины, вышел навстречу старику. Тот остановился перед возникшим на пути препятствием. Его лицо, когда-то, несомненно, красивое, и ныне сохраняло благородные черты, а глаза словно бы горели вдохновением - но смотрели на что-то, видимое только ему. К его пальто был приколот квадратный листок бумаги с крупными буквами от руки:

"Меня зовут Мартин Кинкель

Я живу по адресу: ул. Бетховена, 8

Если вы встретили меня, пожалуйста, позвоните моему сыну Борису или моей невестке Лили" - далее были указаны номера телефонов.

- Альцхаймер, - сказал Альберт высунувшейся в окошко Клариссе. - Или что-то в этом роде. Поехали, мы ничего не можем для него сделать.

Было вполне очевидно, что звонить сыну Борису и его жене бесполезно. Их уже нет в этом мире. Они бросили старика здесь, не видя никакого смысла его эвакуировать, поскольку его болезнь, очевидно, начала развиваться задолго до Точки возврата. Впрочем, от необходимости заботиться о нем там, в прошлом, их это все равно не избавит.

Альберт вернулся за руль. Старик зашагал дальше, твердо ударяя тростью о тротуар.

- Улица Бетховена, восемь, - проворчал Альберт, снова разворачиваясь через двойную сплошную. - Выходит, он идет так уже часа четыре... а с такой скоростью, скорее, все пять.

- Мы не должны были так его бросать, - неуверенно произнесла Кларисса.

- А что мы могли? - раздраженно пожал плечами Альберт. - У меня нет даже пистолета, чтобы прекратить его страдания. Хотя... я даже не думаю, что он страдает. Он не понимает, что происходит, и в этом отношении он счастливей нас.

Впереди над городом в нескольких местах косо поднимался темный дым. Он почти сливался с низкими тучами, но тут из-под нижнего края облачности выглянуло багровое солнце, продолжавшее опускаться, чтобы больше никогда уже не взойти, необычайно большое уже не только из-за обычной оптической иллюзии, но и из-за изменения земной орбиты - и обозначило дымные столбы более отчетливо.

- Пожары, - проворчал Альберт. - Ну да, конечно - тушить их уже некому.

- Это же не там, где Гавань? - обеспокоенно спросила Кларисса.

- Нет, она дальше. И уж там никаких пожаров не будет до самого конца. Гавани защищены лучше, чем любые военные объекты... в прошлом. Везде сплошная автоматика с многократным резервированием. Однако, не помешали бы нам эти пожары проехать. Некоторые, кажется, прямо на нашем пути...

Кларисса вытащила телефон и устала в экран. Передатчики сотовой связи все еще функционировали - в период кризиса многие из них тоже обеспечили автономным питанием.

- Извещений о перекрытых дорогах нет. - сказала она.

- Сейчас это уже ничего не значит, - покачал головой Альберт, - приложению просто неоткуда получать данные.

- Тогда, может, по радио что-то передают?

- Точно! Так привык к телефону, что совсем забыл про него... - Альберт включил радио, однако никакого голоса, даже автоматического, на привычной волне, сообщавшей оперативную обстановку для автомобилистов, не услышал. Некоторое время из динамика не доносилось ни звука, пока автоматическая настройка искала хоть какую-нибудь частоту, на которой еще велись передачи. Затем в салон вдруг ворвалась музыка какой-то древней группы из прошлого тысячелетия - но слова, неожиданно контрастировавшие с бодрым мотивом, звучали на удивление актуально:

We're leaving together, but still, it's farewell
And maybe, we'll come back to Earth, who can tell?
I guess there is no one to blame
We're leaving ground (Leaving ground)
Will things ever be the same again?

It's the final countdown,

The final countdown!¹

Затем музыка припева вдруг оборвалась, и бодрый мужской голос произнес:

- Привет! Раз-раз-раз, как слышно? Понравилась песенка? А знаете что, мои дорогие слушатели? Идите на х.й! ИДИТЕ - НА Х.Й - ВЫ - ВСЕ!!! - проорал голос так, что захрипело в динамиках. - Вау!!! Как давно я мечтал это сказать! И вся ваша ё...ная страна...

Альберт, поморщившись, выключил радио.

- Может, стоит поискать официальный канал? - сказала Кларисса.

- Это и был официальный канал. Последний, оставшийся в эфире.

- Может быть, - предположила Кларисса после короткой паузы, - это был не диктор. А просто кто-то из технического персонала. Звукооператор какой-нибудь.

- Может, и так, - согласился Альберт, - но это значит, что диктора уже нет. И никого из начальства.

- Если только это и не был начальник, - усмехнулась Кларисса.

- Тоже не исключено. Хотя начальник, скорее, понимал бы, что "вся страна" его уже не услышит. Максимум - пара тысяч человек из тех, кто еще остался...

- Зато парень исполнил свою мечту, - вновь усмехнулась Кларисса. - Как думаешь, его могут за это не допустить до эвакуации?

- За хулиганство в эфире? Едва ли. Да и некому уже этим заниматься. Сегодня в Гавани пускают уже всех без разбора, исходя из того, что все, кому запрещена эвакуация, сидят под замком. Но тюрьмы уже тоже некому охранять, так что не исключено, что кому-то из них удастся вырваться. Или их освободят поделники. Надо было, - добавил он после паузы, - просто сразу же казнить всех, кому отказывали в эвакуации. Во многих странах так и делали. Но не у нас. Мы же гуманисты.

Они проезжали мимо ювелирного магазина, витрины которого были закрыты металлическими жалюзи, так что о его профиле напоминала только вывеска. Он выглядел давно закрытым, но внезапно его дверь распахнулась, и изнутри, цокая каблуками, выбежала совершенно голая женщина. На жертву насильников она не походила. Ей было хорошо за сорок, и ее обрюзгшие тела никак не выглядели привлекательно. Несмотря на полное отсутствие одежды, туфли были не единственным, что было на ней надето. Все ее пальцы были в перстнях с драгоценными камнями, на жирных запястьях блестели золотые браслеты, сальные волосы венчала усыпанная мелкими бриллиантами диадема, а на шее висели с полдюжины различных ожерелий - жемчуг, янтарь, золотые цепочки - мотавшиеся в такт бегу вместе с ее отвислыми грудями. Лицо ее было совершенно счастливым. Завидев машину, она бросилась на дорогу, что-то крича и размахивая руками.

Альберт резко ударил по тормозам, только чудом не сбив ее. Голая встала прямо перед капотом, уперев руки в толстые бока и торжествующе ухмыляясь. Альберт протяжно бибикнул, а когда это не помогло - сдал назад. Она протянула к нему унизанные перстнями руки и попыталась улечься на капот, но Альберт оказался проворнее, и голая, потеряв равновесие, плюхнулась на четвереньки. Альберт поспешно объехал ее и поехал дальше. В зеркало было видно, как она что-то обиженно кричит им вслед.

¹Мы отбываем вместе, но все же это прощание
И, может быть, мы вернемся на Землю - кто может сказать?
Думаю, здесь некого винить
Мы покидаем землю (Покидаем землю)
Будет ли все таким же когда-либо снова?

Это последний обратный отсчет,
Последний обратный отсчет!
(Песня группы Епгоре)

- Похоже, в городе остались одни сумасшедшие, - проворчал Альберт.

- Может быть, через полчаса она, как ни в чем не бывало, оденется, сядет в машину и поедет в Гавань, - возразила Кларисса. - Или даже прямо в таком виде поедет. Ее ведь не могут не пустить? Чего в Гаванях точно нет, так это дресс-кода.

- Нету, - согласился Альберт. - Все равно в Точке возврата все появятся в том виде и в тех местах, как были год назад. Но ведущих себя неадекватно могут и не пустить, просто чтобы не путались под ногами и не задерживали других, когда времени остается уже немного. И подозреваю, что "не пустить" в нынешних обстоятельствах означает просто пулю. Несмотря на весь гуманизм.

Кларисса собиралась что-то ответить, но слева впереди вдруг оглушительно грохнул взрыв. Он был так силен, что земля содрогнулась под колесами, а из домов на левой стороне, принявших на себя основной удар прошедшей насквозь взрывной волны, вылетели все стекла. В одной из брошенных машин заорала сигнализация. Над крышами поднялся густой черный клуб дыма, похожий на ядерный гриб в миниатюре; сверху посыпался какой-то мусор, забарабанил по крыше "фольксвагена". Руки Альберта невольно дернулись на руле, машина вильнула вправо, но, к счастью, столкнуться ей там было не с чем. Тем не менее, Альберт все равно рефлекторно нажал на тормоз. Пристегнутых пассажиров мотнуло вперед, и "фольксваген" остановился. Слева, над местом взрыва, над крышами разгоралось пламя.

- Что... это было? - воскликнула Кларисса.

- Не знаю, - пробормотал Альберт. - Может, газ.

- Ты же сам говорил - его отключили, как только началась массовая эвакуация, - в районе, где жили они сами, плиты были электрическими.

- Кто-то мог использовать баллоны. Что им, собственно, было делать? Не питаться же всухомятку.

- По-моему, это было слишком сильно для баллона. Больше похоже на взрывчатку.

- Ну ты прям эксперт-взрывотехник, - пробурчал Альберт. - Ладно, похоже, все уже кончилось, поехали. Не пропороть бы только шины осколками...

Он осторожно тронулся с места, собираясь развернуться и поехать в объезд - и тут из прохода между домами слева выбежал человек - и, увидев "фольксваген", побежал к нему.

- Черт! - воскликнул Альберт. Хотя в руках у незнакомца не было оружия, тот ему явно не нравился. Он снова крутанул руль вправо, желая избежать встречи с ним.

- Подожди! - крикнула Кларисса. - Он, наверное, пострадал при взрыве! Ему нужна помощь!

Незнакомец действительно махал на бегу правой рукой (левая висела как-то неестественно) и кричал: "Помогите!" Альберт, уже собиравшийся газануть, несмотря на страх перед осколками, нехотя убрал ногу с акселератора, позволив машине медленно ползти вперед на первой передаче. Незнакомец уже почти добежал и тянул руку к ручке левой задней дверцы - и тут вдруг остановился с глупым выражением на лице, а затем качнулся назад.

На его рубашке спереди, почему-то беззвучно, одна за другой возникли три кровавых дыры лохмотьями наружу. А на заднее сиденье посыпались выбитые стекла.

- В него стреляют! - завопила Кларисса, мигом забывшая про весь свой гуманизм. - Газуй!!!

Альберт уже и сам все понял и втопил акселератор в пол. "Фольксваген" сорвался с места, но в следующий миг тугой металлический удар пробил левую заднюю дверь - стрелявший явно не собирался довольствоваться уже сраженной целью и теперь бил вслед уносящейся прочь машине. Огонь из винтовки с глушителем, очевидно, велся из того самого прохода, откуда только что выбежал неизвестный. С хрустким шорохом осыпалось и заднее стекло, но пулю приняла в себя спинка заднего сиденья. Альберт гнал на полной скорости, практически вжавшись в руль и каждый миг ожидая пули в затылок. Как только впереди показался правый

поворот, он резко свернул туда. Машину занесло, и левые колеса с силой ударились о бордюр тротуара узкой улочки. Откуда-то спереди доносились тяжелые колокольные удары - боммм, боммм, боммм... Альберт не был уверен, что ему нравится этот звук, он и в мирное-то время недолго любил церкви, но между чокнутым стрелком - или стрелками - сзади и набатом спереди он выбрал все-таки набат.

- Цела? - быстро спросил он Клариссу, бросая взгляд в ее сторону.

- Кажется, да... а ты?

- Тоже. А вот машина... - он сообразил, что "фольксваген" плохо слушается руля и едет медленней, чем должен, а сзади доносится характерное "хлоп-хлоп-хлоп". - Кажется, мы все-таки пропороли шину. А может, и словили туда пулю. Надеюсь, это только одно колесо. У меня нет второй запаски.

- Вокруг полно брошенных машин, - заметила Кларисса.

- Да, только ключей от них у нас нет.

- Но можно открутить с них колеса.

- Хм, да. Но не с любой машины колесо подойдет моей. Хотя - вон, кажется, впереди такой же "фольксваген".

Они как раз подъезжали к церкви, откуда доносился колокольный звон. Темно-синий "фольксваген" стоял на парковке перед ней рядом с другими машинами. На стенде перед фасадом, где обычно выкладывались черными буквами объявления о службах и других церковных мероприятиях, теперь красовалась по центру единственная надпись - "ВСТРЕЧАЙТЕ ИИСУСА!"

Альберт снял ногу с акселератора. Автомобиль, еле тащившийся на спущенных шинах, сразу же встал.

- Не останавливайся! - тут же воскликнула Кларисса. - Мы еще слишком недалеко отъехали.

- Эти за нами не погонятся, - ответил Альберт, имея в виду неизвестных стрелков (почему-то он уверился, что их больше одного). - Они пешком, и они видели максимум, как мы свернули за угол. Они не знают, что у нас пробиты шины. А остановиться все равно придется, далеко мы так не уедем.

Он выбрался из машины и бросил опасливый взгляд сперва вдоль улицы назад (там по-прежнему никого не было), затем на колокольню, где на фоне вечернего неба отчетливо видны были силуэты колоколов (самый большой из них ритмично раскачивался), но никаких людей. Хотя острроверхая церковь была возведена, судя по ее архитектуре, никак не позже XIX века, колокольня была современная, автоматическая. Альберт понадеялся, что техника просто отработывает программу по таймеру, а в церкви, на самом деле, никого нет. Затем он обошел автомобиль сзади. Его худшие подозрения подтвердились - левое заднее колесо, пробитое пулей, спустило полностью, правое, пострадавшее, видимо, от мелкого осколка, еще держало часть воздуха, но явно ненадолго. Хуже того - две дыры от пуль зияли и в багажнике, и, когда Альберт открыл его, оказалось, что запаска тоже пробита. К счастью, пули хотя бы не попали в полную канистру.

- Да, придется откручивать с того "фольксвагена", - объявил он Клариссе. - Идем, вдвоем мы сделаем это быстрее.

Кларисса, выбравшись наружу, тоже уставилась на продырявленный багажник, откуда Альберт доставал домкрат и гаечный ключ.

- Зачем они это делают? - спросила она почти жалобно.

- Может, приняли нас за приятелей того парня, с которым у них были свои счета, - ответил Альберт, захлопывая багажник. - Но скорее всего - просто для развлечения, - он протянул ей ключ. - Кто-то всю жизнь мечтал обматерить по радио всю страну, кто-то обвешаться драгоценностями и бегать нагишом по улицам, а кто-то... Немезида - все ваши

желания реальны. Прямо хоть переименовывай ее в Фортуну.

- А потом они просто явятся в Гавань и эвакуируются? И никто их не остановит? Может, будут стоять в очереди прямо следом за нами...

- Может быть. А может, они из тех, кто не верит в эвакуацию.

Они подошли к темно-синему автомобилю. Альберт сел на корточки, поставил домкрат и стал двигать ручку туда-сюда, поднимая его.

- А ты уже начинай откручивать гайки, - велел он Клариссе. - Меняла колеса когда-нибудь?

- Вообще-то нет. Мне это всегда в сервисе делали.

- Ну, тут ничего сложного, надеваешь эту штуку и крутишь... ага, вот так. Ты прямо прирожденный автомеханик, - он закончил с домкратом раньше, выпрямился и заметил: - Жаль, второго ключа нет, вообще бы справились за минуту, как в боксе "Формулы-1".

- У него в багажнике, наверное, есть, - ответила Кларисса, отворачивая очередную гайку.

- Да, но багажник закрыт.

- Так открой. Разбей стекло и открой.

- Точно, - согласился Альберт. - Вот ведь, все не избавлюсь от цивилизованных стереотипов... Дай-ка ключ на секунду.

Он выбил ключом стекло со стороны водителя, просунул руку, наклонился, отыскивая кнопку открывания багажника; услышав щелчок, пошел назад. В багажнике чужого "фольксвагена" лежала своя записка, но, поскольку она была рассчитана лишь на небыструю езду до ближайшего сервиса, Альберт предпочел открутить второе полноценное колесо.

- Знаешь, - продолжал он, усаживаясь на корточки с другой стороны машины, - я в юности прочитал роман "На берегу" Невилла Шюта, и меня поразило... ты читала?

- Фильм видела.

- Их даже два. Ты про более новый, двухсерийный? Он более реалистичный, там все-таки есть сцены хаоса, но их мало. А в книге - меня поразило, с каким смирением там все ждут конца. Во-первых, даже не пытаются создать убежища, в которых могла бы спастись хотя бы часть населения, хотя время у них было. И даже когда радиация постепенно наступает с севера, почти никто не пытается бежать от нее дальше на юг, чтобы выиграть еще хоть пару месяцев, все просто встречают смерть там, где живут. Но главное даже не в этом. А в том, что они буквально до самого конца продолжают жить своей обычной жизнью, словно ничего не случилось, точнее, не случится уже совсем скоро. Ходить на работу, платить по счетам, соблюдать все нормы и правила. Вплоть до того, что чиновник, ответственный за охрану природы, отказывается выдать разрешение на охоту, потому что "не сезон" - невзирая на то, что до сезона не доживут ни охотники, ни их дичь... потом его, правда, все же убедили, но примечательно, что его согласия вообще спрашивали. Это все, конечно же, абсолютно нереально. Позже я читал еще какой-то фантастический рассказ, там все было наоборот - в преддверии конца весь мир погрузился в сплошную кровавую оргию. А в реальности получилось что-то среднее. Точнее, все уже скатывалось ко второму сценарию, но создание Точки позволило вернуться ближе к первому.

- Людям дали надежду, - откликнулась Кларисса с другой стороны машины.

- Угу. Одного страха было недостаточно, но сочетание страха с надеждой сработало. Порядок удалось удержать - жесткими мерами, а не благодаря всеобщей сознательности, или покорности, или нежеланию признавать реальность, как у Шюта - но, тем не менее, удалось. Однако сегодня эти меры обеспечивать уже некому, и люди так проявляют свою истинную сущность... - он откатил отвинченное колесо и поднялся - тут же встретившись взглядом со священником, подходившим прямо к ним. Кларисса, снимавшая свое колесо (оно оказалось тяжелее, чем она ожидала) спиной к нему, его, очевидно, еще не заметила.

- О, - смутился Альберт. - Простите, мне так неловко. Это ваша машина? Мы думали, она брошенная.

- Это машина одного из моих прихожан, - ответил священник. - Но это уже не имеет значения. Земной транспорт больше не имеет значения, как и вообще земное имущество. Ибо сказано - не собирайте сокровищ на земле, собирайте их на небе. Все, как было предсказано еще две тысячи лет назад.

- Да уж, удружило нам ваше небо сокровищем, нечего сказать, - не сдержался Альберт, бросая взгляд в сторону заходящего солнца. Немезида, снова находившаяся по другую его сторону, была не видна с Земли, но было вполне очевидно, о чем речь.

- И это тоже предсказано, - нимало не смутился священник. - И упала звезда Полюнь...

- ... и треть вод сделались горьки, - подхватил Альберт. - Да, я тоже это читал. Только каких вод, падре? Когда Солнце взорвется, не останется никаких вод - ни трети, ни четверти.

- Не все в Библии следует понимать буквально, - ответил священник. - Возможно, под водами имеется в виду солнечная плазма - да, не смотрите на меня так, я тоже знаю такие слова. И я знаю, что она состоит преимущественно из водорода. Но, конечно, в Откровении, данном людям античных времен, следовало использовать другие термины, нежели "треть водорода гравитационно коллапсировала". А возможно, и даже скорее всего, речь идет о душах человеческих, которые постигло уныние и отчаяние.

Ладно, - буркнул Альберт, которого сейчас меньше всего интересовали теологические диспуты, - тогда, если вашему прихожанину это больше не нужно... - он обошел багажник, толкая свой трофей перед собой, и на миг остановился, чтобы сунуть туда руку за домкратом и не тратить времени на вытаскивание из-под машины своего собственного. - И это тоже, - добавил он, беря домкрат в ту же руку, в какой держал ключ, а затем они с Клариссой покатали каждый свое колесо к своей машине. Священник не пытался им помешать, но пошел рядом с ними.

- О чем, однако, Библия говорит совершенно ясно и однозначно, - продолжал он, - так это о том, что диавол хитер и коварен. О, коварство его воистину превзошло коварство человеческое! Зная о своем неминуемом грядущем поражении, он решил избежать грядущего как такового, бежав в прошлое. И увлечь за собой все человечество, дабы люди никогда не смогли воссоединиться со своим Создателем. Лишенные памяти, они будут обречены на вечное повторение своих грехов, снова и снова по кругу, не имея возможности ни для искупления, ни для спасения. Это и есть ад, тут даже не нужны котлы и сковородки.

- Агитация против эвакуации запрещена, вы в курсе? - усмехнулся Альберт, останавливаясь возле своей машины. Кларисса покатила свое колесо дальше вокруг багажника.

- Христианам не привыкать к гонениям, - улыбнулся священник.

- Особенно к тем, что устраивают они сами, - буркнул Альберт, опускаясь на корточки с домкратом.

- ... но здесь слуги Антихриста просчитались, - продолжал священник. - Что они могут нам сделать? Только запретить то, что мы и так отвергаем, и даровать то, к чему стремимся.

- И кто же он, ваш Антихрист? - не удержался Альберт, устанавливая домкрат под днище "фольксвагена". - Имя, фамилия, должность? Вообще-то Точка возврата и Гавани - изобретение именно человеческое. Плод коллективного труда ученых и инженеров разных стран. У них нет единственного автора.

- А кто вам сказал, что Лжепророк не может быть коллективным?

- Угу. А Луна сделана из зеленого сыра, - Альберт работал ручкой домкрата, поднимая осевший на спущенных колесах автомобиль. Кларисса бросила на священника опасливый взгляд, но, не вступая в диалог, тоже опустила на корточки по другую сторону машины. Ей, как и Альберту, хотелось уехать отсюда как можно скорее. Сам по себе этот тип опасным не выглядел - во всяком случае, Альберт был куда моложе и наверняка сильнее его - но кто знает, кого еще он может позвать? Все эти автомобили на парковке... и колокол...

- С этим вашим памфлетом² я тоже знаком, - невозмутимо ответил священник. - И даже признаю его остроумие. Но, видите ли, осмеять можно что угодно, особенно если использовать вместо аргументов некорректные аналогии...

- Кто бы говорил! - фыркнул Альберт.

- Атеисты веками смеялись над фразой Тертуллиана "верую, ибо абсурдно", - продолжал священник, - а потом придумали квантовую физику, которой впору взять эту фразу своим девизом.

"Заткнись и вычисли", - припомнилось Альберту, но он, конечно, не стал давать оппоненту такую подачку.

- Положения квантовой физики доказаны экспериментально, - сказал он.

- Положения Откровения тоже, - парировал священник. - На веками задававшийся нам глумливый вопрос: "Ну и где же ваше второе пришествие?" мы можем ныне смиренно ответить: вот оно. Иисус грядет, дабы забрать всех верных в Царствие небесное, а неверных поглотит геенна огненная. Последний пункт, заметим, констатирует уже даже не церковь, а ваша физика.

- Поглотит она как раз тех, кто послушает таких, как вы, и не эвакуируется. И вообще, доказывать вам надо первый пункт, - ответил Альберт, откручивая гайки. - У Немезиды что-то не просматривается никакого нимба, даже в самый сильный телескоп.

- А я слышал, что незадолго до столкновения вокруг нее образуется аккреционный диск из перетекающего солнечного вещества, - невозмутимо парировал священник. - Но я знаю, что вы скажете - это не нимб в религиозном смысле. Однако спросите у астрономов, какова вероятность столкновения двух звезд, не бывших ранее спутниками друг друга.

- Бессмысленно говорить о вероятности свершившегося события. Ну то есть само столкновение еще не свершилось, но траектория, которая к нему приведет... Во всяком случае, законам физики это не противоречит, а следовательно, чудом не является.

- И всё на свете - просто набор маловероятных случайных совпадений? - улыбнулся священник.

- Не всё, - Альберт отвернул последнюю гайку и принялся стаскивать спущенное колесо с оси, - но многое.

- Вашей машине здорово досталось, - заметил священник.

- Угу... нарвались на каких-то добрых самаритян, решивших продемонстрировать нам делом, что бог есть любовь, - Альберт отпихнул негодное колесо в сторону и подкатил на его место новое.

- Вы снова напрасно иронизируете. Ибо неисповедимы пути Его. Что, если этот... инцидент, сам по себе неприятный, был нужен лишь для того, чтобы привести вас сюда? Иначе вы бы не остановились возле церкви, не так ли? Ни этой и никакой другой.

- Эти ваши слуги божьи застрелили какого-то парня, - ответил Альберт уже с нескрываемым раздражением. - Не хотите сходить и отпеть его, как полагается? Это недалеко, там за углом. Не гарантирую, правда, что они не сделают то же самое и с вами.

- Кстати, а могу я спросить вас и вашу... спутницу, был ли освящен ваш союз церковью?

Альберта подмывало ответить: "Вообще-то мы брат и сестра" просто для того, чтобы увидеть, как сконфузится этот тип. Но он лишь сказал:

- Наш брак зарегистрирован в мэрии, и этого более чем достаточно.

- И где будет ваша мэрия через четыре часа? - улыбнулся священник.

- Там же, где и ваша церковь! - огрызнулся Альберт и принялся закручивать гайку.

- Вот тут вы заблуждаетесь.

- А вы, конечно, можете это доказать.

- Так, чтобы это убедило вас прямо сейчас - нет. Но я могу дать вам шанс соединиться с

² Имеется в виду памфлет Джеймса Хьюбера "Целование жопы Хэнка" (Kissing Hank's Ass), классика атеистической сатиры

вашей супругой узами, которые не разрушит никакая солнечная плазма. Провести свадебный обряд прямо сейчас. Пройдемте в церковь, это не займет много времени. Если правы вы, то хуже от этого все равно ведь не будет, не так ли? Просто поучаствуете в красивой церемонии. Зато если прав я...

- Нам это неинтересно, - отрезал Альберт. - Займитесь лучше тем убитым парнем, если вам не терпится провести какой-нибудь обряд. Уж он уже точно не торопится в Гавань.

- Я еще не слышал мнения вашей супруги.

- А оно такое же, - подала, наконец, голос Кларисса. - У меня это, между прочим, второй брак. И это не был развод - мой первый муж умер. И если, по-вашему, браки совершаются на небесах и переживают смерть на земле, то что же я - буду там двоемужницей?

- Гм, - в первый раз смутился священник, - вот поэтому церковь не одобряет повторные браки... Но все равно! - заторопился он. - Я готов благословить ваш союз! Помните - это ваш последний шанс! Я уверен, что Господь примет вас, если вы откроете ему свое сердце!

- Передайте ему привет и наши извинения, если с ним встретитесь, - усмехнулся Альберт. - А сердце - это мышца для перекачки крови, и попытки открыть его обычно смертельны, если только это делает не профессиональный кардиохирург в случае крайней необходимости.

Он докрутил предпоследнюю гайку и протянул руку за последней. Но под пальцами у него был лишь шершавый асфальт. Альберт перевел туда взгляд. Гайки не было.

- Та-ак, - Альберт выпрямился и повернулся к священнику, сжимая в руке ключ как оружие. - Отдайте гайку.

- Какою гайку? - невинно спросил тот.

- Не прикидывайтесь! Вы украли гайку, пока я закручивал другие, чтобы нас задержать. Но это, в конце концов, просто глупо! Я просто пойду к той машине и возьму любую из тех, что мы открутили там.

- Помилуйте, я не подходил к вам ближе полутора метров. Как я мог взять вашу гайку? Ни одна моя конечность не имеет такой длины, - улыбнулся священник. - Не говоря уже о том, что, как вы сами только что справедливо заметили, это не имело никакого смысла.

Альберт уже сделал было шаг в сторону синего "фольксвагена", но остановился. Не стоит оставлять этого борца со лжепророками рядом с их автомобилем - еще, пожалуй, проткнет чем-нибудь и новые колеса.

- Кларисса! - крикнул Альберт. - Как у тебя дела?

- Завернула последнюю, - откликнулась та.

- Тогда принеси гайку от той машины, а я пока... присмотрю за этим типом.

- Вам бы следовало получше поискать, может, она куда-то закатилась, прежде чем возводить напраслину на других, - кротко произнес священник. - Тем паче что грех воровства тут совершаю, вообще-то, не я, и не стоит добавлять к нему еще и грех лжесвидетельства.

Альберт подумал, что в этих словах есть резон. Он действительно, наверное, заметил бы, если бы священник подошел достаточно близко, чтобы забрать гайку. Но не было ли это уловкой? Он наклонится, чтобы заглянуть под машину, а этот тип тюкнет его по затылку, чтобы хоть так "воссоединить с Иисусом"... Однако в ответ на его угрюмый взгляд священник демонстративным жестом поднял руки и отступил назад.

Альберт снова присел к машине и заглянул под днище. Света было уже мало, и он с раздражением подумал, что надо было взять фонарь, но почти сразу заметил тускло блестящую гайку прямо под свежезаменным колесом. Очевидно, он сам не заметил, как зацепил ее шиной, когда переставлял колеса.

- Кларисса! - крикнул он. - Все окей, я нашел гайку. Поехали.

- Вы не хотите извиниться? - осведомился священник.

- Ладно, простите, я был не прав, - буркнул Альберт, закручивая последнюю гайку.

- И не только в этом.

- Вы опять?

- Вам по-прежнему кажется, что все это совпадения? То, что вам пришлось остановиться здесь, то, что ваша гайка куда-то закатилась, притом что я, как вы уже признали, не имел к этому отношения... Господь посылает вам один знак за другим, а вы не желаете этого замечать.

Альберт вытащил из-под днища домкрат и снова выпрямился.

- Передайте вашему господу, чтобы впредь использовал более внятные средства коммуникации. Скажем, текстовое сообщение на небе меня бы устроило, - он демонстративно уставился в темнеющее небо словно бы в ожидании. Подошла Кларисса, тоже невольно взглянула вверх, проследив направление его взгляда, потом разжала кулак и выпустила уже ненужную гайку, которую успела подобрать. Гайка глухо звякнула об асфальт.

- Похоже, абонент, как всегда, вне зоны доступа, - констатировал Альберт. - А точнее - набранный номер не существует. Так что мы поехали.

Они сложили инструменты в багажник и сели в машину. Священник остался стоять на месте, словно все еще надеясь, что они передумают. Альберт посмотрел на свои грязные пальцы. Браться ими за руль не хотелось. В багажнике была ветошь, и он упрекнул себя, что не подумал об этом сразу, но снова вылезать и открывать багажник на глазах у этого типа не хотелось, так что он просто кое-как обтер руки о боковые края сиденья. Затем сунул руку в карман за ключом.

Ключа там не оказалось.

Он проверил другой карман, затем хлопнул ладонью по замку зажигания - ключа не было и там. Повернулся к Клариссе:

- Ключ у тебя?

- Нет, зачем бы мне его брать? - удивилась она.

Альберт похолодел. Он понял, что таки оставил ключ в зажигании, но, пока они откручивали колеса с синей машины, этот тип подошел и вытащил его. Священнику даже не пришлось клацать дверью - наверное, дотянулся через разбитое стекло левой задней. Впрочем, из-за колокольного трезвона они могли не услышать и клацанья, как не услышали его шагов. А все дальнейшее было уже спектаклем.

Альберт резко распахнул дверцу и выскочил. Священник по-прежнему стоял возле правой стороны машины и улыбался.

- Отдайте ключ! - потребовал Альберт.

- Единственный ключ, который вам нужен - это ключ от Царства Небесного, - ответил священник.

Альберт бросился к нему, обегая машину спереди, но священник с неожиданной для его возраста и сана прытью побежал к церкви. Альберт помчался следом, на бегу крикнув: "Кларисса, жди в машине!" - и запоздало подумал, что этот традиционный порыв мужского благородства, побуждающий оставить женщину в безопасности позади, был, пожалуй, излишним. Уехать без ключа она все равно не сможет, так что, хотя у нее нет ни оружия, ни умения драться - или как раз именно поэтому - безопаснее им, пожалуй, было бы вместе, хоть снаружи церкви, хоть внутри нее.

Альберт почти нагнал врага, но тот все же успел распахнуть тяжелую дверь и проскочить внутрь. Однако не запер ее изнутри - это и не было его целью - так что Альберт ворвался в церковь следом.

Внутри горело множество свечей, но все равно царил полумрак. Если бы Альберт вбежал сюда с солнечного дня, то, пожалуй, не различил бы ничего, кроме темных силуэтов. Но, поскольку снаружи тоже уже начинались сумерки, он увидел то, что находилось внутри, вполне отчетливо. И это зрелище заставило его в шоке застыть на месте.

Ни одной скамейки, на какой можно было бы сидеть, в помещении церкви не осталось. Из них сделали прочные кресты высотой более двух метров, которые водрузили вертикально и

вмуровали в пол, частично разобрав для этого каменные плиты. Церковь была большой - в глубину ее неф простирался дальше, чем это могло показаться снаружи, при взгляде на не очень широкий фасад - так что крестов получилось много, не меньше полусотни. И на этих крестах были распяты люди. Обоего пола и разного возраста - большинство не слишком молодые, но Альберт заметил даже двух подростков, мальчика и девочку. Одни были полностью одеты, другие - в нижнем белье (мужчины в трусах и майках, женщины в длинных сорочках). Все они были привязаны к крестам толстыми веревками, но раздетые - еще и дополнительно прибиты длинными строительными гвоздями, пронзившими их запястья и наложенные одна на другую ступни; из ран тянулись тонкие струйки крови, у кого-то уже засохшей, у кого-то еще капавшей на пол. Хор певчих в белых облачениях, громко тянувший церковный гимн, заглушал стоны страдальцев.

Несколько крестов все еще оставались свободны.

Священник остановился в проходе между крестами, ведущем к алтарю, и с достоинством развернулся, разводя руки в стороны, словно тоже изображая распятие.

Сказать он ничего не успел - Альберт бросился на него. Будь у Альберта при себе гаечный ключ или домкрат, он бы, не тратя слов, просто проломил бы священнику голову - но инструменты остались в багажнике, так что он схватил противника за грудки и повалил на пол, а сам навалился сверху:

- Ключ, чертов маньяк!

- Вы не понимаете... - хрипел священник, даже не пытаясь отбиваться. - Это спасение...

- Ключ, сейчас же! В каком кармане?! - Альберт схватил его за редкие волосы и ударил затылком о каменный пол.

- Это покаяние... Дисмас покаялся на кресте и был принят в рай...

Альберт ударил его о камень снова, уже сильнее, потом еще сильнее. "Тебя, Господи, славим!" - пели певчие, не трогаясь с места.

После очередного удара череп священника мерзко хрустнул, и он затих. Альберт, косясь в сторону певчих, принялся обшаривать его карманы. Они оказались буквально набиты ключами от машин - не иначе, он собрал их у всех этих несчастных. И как теперь искать в этой куче нужный? На полу, в тени крестов, было слишком темно, чтобы разглядывать логотипы. Можно, конечно, взять любой, но поди еще пойми, какой из них от какой машины - плюс еще там могут быть современные противоугонные устройства, которым нужно биометрическое подтверждение... Альберт принялся сгребать все ключи в собственные карманы, чтобы разобраться уже в более светлом и безопасном месте. Главное, не оставить случайно ни один здесь, будет очень обидно, если это окажется как раз нужный...

Заново охлопав карманы священника и убедившись, что ничего не пропустил, Альберт уже собирался подняться - и тут чья-то сильная рука обхватила его сзади локтем за шею. Следя за певчими, он не заметил подобравшегося сзади дьякона.

- Не нужно противиться Господу, - услышал он низкий голос, тщетно пытаясь оторвать душащую его руку. Судя по ее силе, гвозди в руки и ноги распятых вколачивала именно она. - Это Он, в мудрости своей, привел вас сюда. Примите Его, и Он примет вас. Покайтесь, ибо без покаяния нет спасения...

В глазах у Альберта начало темнеть, а по телу разлилась ватная слабость. Он с ужасом подумал, что это еще не конец, что придет в себя он уже на кресте...

И тут раздался резкий чавкающий звук, и хватка разом ослабла - а затем послышался шум падения грузного тела. Альберт, все еще стоя на коленях, обернулся, потирая шею. Коренастая фигура дьякона с длинными, как у шимпанзе, ручищами лежала на полу, а над ней стояла Кларисса, сжимая обеими руками гаечный ключ, с конца которого свисал клочок окровавленных волос. Похоже, она сама была в шоке от того, что только что сделала.

Певчие, наконец, тронулись с места и направились к ним - не бегом, а степенным шагом,

не прекращая петь.

- Бежим! - Альберт вскочил, схватил жену за руку, и они побежали прочь из этой кошмарной церкви, мимо крестов, откуда по-прежнему доносились стоны - но ни одной просьбы о помощи.

Они выскочили наружу - и увидели людей, идущих в сторону церкви с обоих концов улицы прямо по проезжей части. Их было не слишком много - в общей сложности, наверное, не больше двух десятков, растянувшихся вдоль улицы - но, конечно, это было куда больше количества, с каким можно справиться вдвоем. Впрочем, никакого оружия у них видно не было, и одеты они были строго и торжественно, как, собственно, и полагается при походе в церковь. Альберт впервые обратил внимание, что колокольный звон изменился, стал более частым и высоким - возможно, это и послужило сигналом этим новым прихожанам. Но пока что они просто шагали, не пытаясь ускориться и помешать бегущей к машине паре.

Альберт и Кларисса плюхнулись на сиденья, и Альберт принялся торопливо выгребать ключи из карманов и раскладывать их поверх приборной панели в поисках нужного. Из-за того, что он нервничал и торопился, несколько штук соскользнули и упали на пол. "Ищи с логотипом "фольксвагена!" - велел он Клариссе, наклоняясь, чтобы подобрать упавшие. Кларисса уставилась на окровавленный гаечный ключ в своей руке, а затем гадливым жестом бросила его на заднее сиденье.

Когда Альберт вновь поднял голову из-под приборной панели, он увидел, что люди спереди уже близко - причем, хотя они по-прежнему шли, а не бежали, они явно направлялись к их машине, а не ко входу в церковь (откуда так до сих пор и не показались певчие или кто-либо еще). В зеркало было видно, что точно так же приближаются и люди сзади.

- Нашла? - нервно спросил Альберт, сжимая в обеих руках поднятые ключи, но не желая смешивать их с теми, которые Кларисса уже успела просмотреть.

- Вот... два...

- Ага, отлично, - он сгрузил уже ненужные, как он полагал, ключи на панель между сиденьями и вставил в замок первый из тех, на который указывала Кларисса.

Ноль реакции.

Ну, значит, второй... Тот же результат.

- Черт! - пробормотал Альберт. - Значит, там есть еще один "фольксваген".

Действительно, они ведь не осматривали внимательно все машины на стоянке. Другой машины такой же модели там не было, это Альберт заметил, а вот такой же марки вполне могла быть.

Он снова принялся перебирать легкомысленно брошенные ключи. "Тойота", "BMW", "форд", вообще какой-то неизвестный логотип... ага, вот!

- Альберт! - предостерегающе крикнула Кларисса.

Он снова поднял голову, одновременно пытаясь на ощупь вставить ключ. Люди подходили к их машине с двух сторон.

- Эй! - крикнул им Альберт (ключ никак не желал попадать в гнездо). - Вы вообще в курсе, что творится в этой церкви? Там людей распинают! Таких, как вы! Идите туда, пока они живы, вы еще сможете их спасти!

- Несть спасения вне Господа, - глухо ответил старик в черном костюме, похожий на гробовщика, становясь прямо перед капотом их машины. - Гавани суть искушение дьявольское, и число их по всему миру 666, - Альберт знал, что это неправда, Гаваней, предназначенных для эвакуации всего человечества, было намного больше, но какие ссылки на реальные факты убедят фанатика? - Отрекитесь от Антихриста и следуйте вместе с нами в Царствие Небесное! Иисус ждет вас!

Последний отблеск заката истаял на верхушке церковного шпиля, и в тот же миг двери церкви открылись, и в их проеме показались певчие - двигавшиеся, впрочем, все так же

торжественно, словно уверенные, что жертвы никуда не денутся. Но Альберту, наконец, удалось вставить и повернуть ключ. Засветились индикаторы приборной панели, и мотор, наконец, мягко зафырчал. Однако машина была уже окружена прихожанами со всех сторон.

- Прочь с дороги! - заорал Альберт, давя на клаксон. Преграждавшие путь не двинулись с места. Альберт резко бибикнул еще дважды, а затем вдавил акселератор. Машина рванулась с места, снося старика, еще пытавшегося что-то вещать, и даму в старомодной черной шляпке с вуалью слева от него. Колеса дважды подпрыгнули, переезжая ее тело.

- Ты убил их? - спросила Кларисса после полуминутной паузы. К этому времени они уже доехали до поворота, позволившего снова свернуть в сторону Гавани - во всяком случае, так надеялся Альберт, ибо все улицы в этом старом районе были кривые, а GPS давно уже не работал.

- Наверное, - ответил Альберт равнодушно. - Во всяком случае, если им не окажут медицинскую помощь, оказывать которую уже некому... И что с того? Ты тоже только что убила человека. Кстати, я даже забыл тебя поблагодарить. Ты молодец, что не послушала меня и не осталась сидеть в машине!

- Тот тип напал на тебя и душил, - ответила Кларисса, - а эти нет. Они не пытались ломать нашу машину или вытаскивать нас из нее. Просто стояли на дороге.

- Ну а что мне оставалось делать, если они не давали нам проехать?

- Ну я не знаю, может, не надо было газовать с места. Поехать плавно, чтобы у них было время отскочить.

- Или все-таки повредить нам машину. Да и какая разница? Они же не собирались эвакуироваться, так что меньше чем через четыре часа все равно были бы мертвы. И... теперь я уже думаю, что, возможно, именно этого они и добивались. Все эти распятые... не думаю, что это были жертвы, которых заманили в церковь обманом. Скорее всего, они сами захотели встретить своего Иисуса, вися на крестах. Хотя потом кое-кто наверняка и пожалел о своем согласии, когда оказалось, что наяву это больше, чем в фантазиях.

- А зачем священник пытался заманить нас? Неужели думал, что мы тоже согласимся на такое?

- Не знаю. Может быть, он и впрямь хотел, чтобы я его убил. Чтобы умереть мучеником за веру, но при этом все-таки не так мучительно, как его паства. Вся эта церковная братия всегда была мошенниками. Даже те из них, кто действительно верует, все равно читеры.

- Мне не понравилось убивать, - сказала Кларисса. - Гадкое чувство. Не то чтобы мне было жалко этого фанатика, который чуть не задушил тебя - просто это было противно. Все равно что давить голой рукой таракана.

- Через четыре часа ты уже не будешь об этом помнить, - ответил Альберт и тут же пожалел о своих словах.

- Не только об этом, - не обманула его ожиданий Кларисса.

Улица снова заворачивала направо.

- Черт, - проворчал Альберт, - мы опять едем не туда. И, главное, я не знаю этот район. Мимо столько раз ездил, шоссе, с которого мы свернули, ведет почти прямым к Гавани - а внутрь этого лабиринта не совался. Да еще и фонари не горят.

Действительно, в сгущающихся сумерках не засветилось никаких огней - ни фонарей, ни окон, ни вывесок. Очевидно, электричества не было и тут. Было странно и жутко ехать по темным и пустым улицам в тот самый час, который в прежние времена был самым оживленным - люди возвращались с работы, повсюду светились витрины магазинов, кафе и ресторанов... Теперь лишь свет их фар рассеивал мрак, да и то левая светила как-то тускло. Альберт вынужден был сбросить скорость после того, как едва не налетел на валявшийся прямо посреди дороги мотоцикл. Он не заметил, было ли поблизости тело мотоциклиста.

- Мы точно едем не туда, - констатировала Кларисса. Она вытащила свой телефон, чтобы

посмотреть план района, хотя бы даже и без указания их местоположения - в свое время, убедившись в неудобстве бумажной карты, она скачала электронную в память своего аппарата - но оказалось, что телефон вырубился. Это удивило Клариссу, которая выдернула зарядник из розетки непосредственно перед отъездом, но затем она задумалась, как давно меняла аккумулятор... ну да, это было еще до того, как их поставка из Китая прекратилась, так что ничего удивительного, что он не держит заряд. - Может, вернемся, пока не поздно? - предложила Кларисса, втыкая зарядник в гнездо "прикуривателя". - Назад до самого шоссе. Вряд ли эти типы, которые стреляли, все еще там.

- Хочешь опять ехать мимо церкви? Кто их знает, какую баррикаду они там уже соорудили, чтобы останавливать всех, кто едет в Гавань. Да и... честно говоря, я уже не уверен, что в этой темноте снова найду обратную дорогу. Лучше уж ехать вперед. Не бесконечный же этот район, сколько ни петляй, в конце концов выедешь или к шоссе, или к реке, или к железной дороге.

- Если только мы не ездим кругами.

- Нет, на этой улице мы еще точно не были... О, смотри - луна!

Действительно, тучи почти развеялись, и между островерхими крышами справа показался пока еще низкий и тусклый жёлтый диск.

- Значит, восток там, - продолжал рассуждать Альберт. - Черт, я думал, там север... Ладно, теперь у нас есть ориентир, надо ехать так, чтобы луна оставалась за спиной, и мы выберемся к железной дороге, а вдоль нее уже можно доехать до шоссе...

Но это было проще сказать, чем сделать, ибо узкие кривые улочки все время норовили отвернуть от нужного направления. В какой-то момент луна и вовсе показалась впереди справа. Альберт чертыхнулся, и тут с неба донесся басовитый стрекот низко летящего вертолета.

- Надо же, кто-то еще летает, - сказала Кларисса, тщетно выискивая вертолет взглядом - очевидно, его загораживала крыша машины, а может, и стены плотно сомкнутых домов по бокам, хотя в этом районе дома почти нигде не были выше трех этажей.

- Военные или полиция, больше некому, - ответил Альберт. - Значит, город все-таки еще патрулируют, - констатировал он удовлетворенным тоном человека, увидевшего символ порядка среди хаоса. - Вот бы спросить у них дорогу, им-то сверху видно. Вообще, могли бы догадаться, куда мы едем, и проводить нас аж до самой Гавани, - увлеченный этой мыслью, он помигал фарами, надеясь привлечь внимание вертолета.

Похоже, ему это удалось, ибо стрекот сделался еще ниже и ближе, а затем вертевшая головой Кларисса различила, наконец, через разбитое заднее окно подсвеченный луной черный угловатый силуэт военного вертолета, догонявшего их на малой высоте. Почему-то, несмотря на темноту, он летел с выключенными бортовыми огнями. Едва она открыла рот, чтобы обратить внимание Альберта на эту странность (которая ей не понравилась), как на корпусе винтокрылой машины - точнее, прямо под ним - все же замерцал некий желтоватый огонек. И в тот же миг тугие удары вспороли асфальт в считанных дюймах справа от машины, а затем донесся оглушительный грохот скорострельной пушки.

- Они стреляют в нас! - завопила Кларисса. - Жми!!!

Альберт и сам уже рефлекторно вдавил акселератор, едва вписавшись в очередной изгиб кривой улочки (из окон домов на повороте посыпались разнесенные очередью стекла), но затем задумался вслух:

- Может, они приняли нас за бандитов из-за нашей поврежденной машины? Надо остановиться и показать, что мы законопослушные...

- Газуй!!! - снова крикнула Кларисса и, не довольствуясь словами, со всей силы нажала левой ступней на его правую ногу на педали.

- С ума сошла?! Разобьемся! - заорал в ответ Альберт, выкручивая руль перед очередным поворотом. Завизжали шины, машину, не удержавшуюся на проезжей части, вынесло на тротуар

и ударило правым боком о стену дома. Однако, лишившись зеркала и последнего стекла с правой стороны (осколки градом посыпались на колени Клариссы), она проскрежетала по стене, обдирая весь правый борт, и помчалась дальше за миг до того, как в ту же стену ударила очередная очередь.

- Погаси фары! - крикнула Кларисса, едва Альберт вновь вырулил на проезжую часть.

- Врежемся в этой темноте! - ответил тот, но, когда над крышей прогрохотала новая очередь, все же последовал ее совету. Однако это не помогло - за очередным поворотом вертолет снова сел им на хвост. Альберт едва успел от тормозиться, пропуская очередь, ударившую в брусчатку прямо перед капотом (весь рикошет металлических и каменных осколков ушел вперед), а затем снова сорвался с места.

- У них приборы ночного видения, - процедил он сквозь зубы. Машину подбросило, когда она переехала в темноте что-то мягкое. Альберт не стал думать, что это было.

На прямом и открытом шоссе они, вероятно, были бы уже мертвы, но гонка по этому району, больше похожему на хитросплетение извилистых каньонов, пока что позволяла им уворачиваться от попаданий. А может, охотники просто предпочитали сначала поиграть с дичью.

- Выпрыгнем и спрячемся в каком-нибудь доме, - предложила Кларисса.

- Вокруг все заперто, - мотнул головой Альберт, виляя из стороны в сторону.

Действительно, в свете фар, от безнадежности снова включенных им, мелькали сплошные решетки, стальные жалюзи или, в лучшем случае, толстые листы фанеры, которыми были забраны витрины и окна первых этажей. Двери, скорее всего, были заперты тоже - исключения, возможно, и были, но поди найди их в темноте, прежде чем тебя застрелят, как загнанного волка!

Снова загрохотала очередь, и на сей раз машина содрогнулась от удара - но продолжала мчаться вперед. Очевидно, снаряд (а возможно, даже и не один) угодил в многострадальную заднюю часть, но колеса на сей раз остались неповрежденными - по крайней мере, пока ехать ничто не мешало. Альберт снова отчаянно вильнул, и лучи фар мазнули по знаку впереди, показывавшему, что прямо дороги нет - только налево и направо. За ним на фоне посеребренной луной глади чернели чугунные завитки парапета.

- Река, - выдохнул Альберт. Едва ли это была хорошая новость, ибо, снизившись над водой, где не мешали стены и крыши, вертолет мог расстрелять едущую по набережной машину, как в тире. Но разворачиваться было негде, и Альберт вылетел на набережную, крутя руль влево. На сей раз интуиция не подвела его. - Мост! - крикнул он, дергая головой вперед.

Кларисса поняла его замысел. Всего в паре сотен метров впереди был мост, точнее, сразу два моста - автомобильный с пешеходными тротуарами по бокам и рядом с ним железнодорожный. Проезд под ними образовывал подобие туннеля, где можно было укрыться от вертолета.

Вертолет задрал нос, гася скорость и зависая над набережной, затем, тарахтя на месте, развернулся вслед несущейся к мосту машине и устремился за ней, снова открывая огонь. На широкой набережной, в отличие от узких улочек перед этим, даже отчаянно вилявший "фольксваген" представлял собой хорошую мишень. Одна длинная очередь положила бы конец погоне. Но главный недостаток скорострельной пушки - быстрый расход боекомплекта, поэтому вертолет мог позволить себе бить только короткими очередями. И они снова прошли мимо цели. Машина на полной скорости влетела под мост, и Альберт еле успел от тормозиться, чтобы не выскочить на открытое пространство с другой стороны. Очередь пропахала асфальт позади них, Каменная крошка застучала по багажнику, но это было все. Чтобы достать их под мостом, вертолету требовалось опуститься ниже, а на это летчик не отважился, боясь зацепить винтом фонарные столбы и провода на набережной.

Но так просто сдаваться он не собирался. Сидя в остановившейся машине, Альберт и Кларисса слышали, как вертолет низко пророкотал над мостом у них над головами, а затем

предсказуемо показался спереди, снова снижаясь и разворачиваясь в их сторону. Альберт включил заднюю передачу и поспешно нажал на газ. Машина быстро откатилась назад к противоположной стороне моста, сопровождаемая очередной очередью, теперь уже вспарывавшей асфальт перед капотом. Один из обломков попал в лобовое стекло, оставив на нем круглую дырку с разбегающейся сеткой трещин. Вертолет снова поднялся и полетел поверх моста назад. Альберт гаснул вперед, не дожидаясь, пока он займет позицию для стрельбы.

- И что теперь? - нервно спросила Кларисса. - Так и будем кататься туда-сюда до самого конца света?

- У него горючее кончится намного раньше, - возразил Альберт.

- А у нас не кончится? - Кларисса поглядела на индикатор топлива.

- Я залил полный... о черт, - теперь и Альберт посмотрел туда же. Бензина оставалось уже меньше половины. - Похоже, нам все-таки продырявили бензобак.

- И мы не загорелись?

- Это только в кино любое попадание в бензобак ведет к взрыву. В жизни не обязательно. Нам повезло.

- Да уж, сегодня нам только и делает, что везет, - пробурчала Кларисса.

Вертолет снова прогрохотал над ними, занимая позицию для стрельбы спереди. На сей раз летчик, похоже, решил все же аккуратно снизиться ниже проводов, возможно - и вовсе сесть на мостовую и стрелять уже из этой устойчивой позиции. Если бы ему это удалось, очередь, конечно, прошила бы насквозь и туннель, и машину в любом его месте.

- Я знаю, что делать! - Альберт вдруг распахнул бардачок и принялся лихорадочно шарить внутри.

- Что ты ищешь? - спросила Кларисса. Она знала, что никакого оружия там нет. - Поехали назад, пока он не начал стрелять!

- Да где же она... вот! - он выхватил из-под каких-то бумаг блестящий цилиндрок, похожий на губную помаду. - Газуй назад, а я его встречу!

Он распахнул дверцу и выскочил наружу, тут же отбежав к ближайшей опоре моста и прячась за ней. Вертолет тем временем, слегка покачиваясь, продолжал осторожно опускаться на пятачке между проводами, тянувшимися вдоль и поперек набережной. Кларисса, не тратя времени на пересаживание в водительское кресло, переключила передачу и покатила назад, действуя левой ногой и левой рукой. Она уже поняла, в чем состоял замысел Альберта. Еще в докризисные времена ей доводилось читать о хулиганах, слепивших пилотов заходящих на посадку самолетов лазерными указками. Кажется, каким-то чудом это ни разу не привело к катастрофе - наверное, потому, что пилотов в кабине обычно было двое, а мощность такого лазера оказывалась все-таки недостаточной, чтобы привести к полной слепоте, даже и временной. Но хулиганы действовали с расстояния в сотни метров, а от вертолета до опоры, за которой укрылся Альберт, было не больше двух десятков...

Вертолет благополучно разминул со всеми проводами и, опускаясь в вихре кружимого над мостовой мусора, уже почти коснулся шасси шоссе - и тут Альберт нажал на кнопку. Кларисса со своего места в быстро катящейся назад машине, конечно, не могла видеть крохотную красную точку на стекле кабины вертолета - зато она увидела, как он резко мотнулся в сторону, неуклюже ударился правым шасси об асфальт, кренясь набок, отчаянно попытался набрать высоту (двигатель взвыл на полной мощности), но было уже поздно. Он успел взмыть с растущим креном на несколько метров, прежде чем лопасти ударились о столб, ломаясь одна за другой (один из обломков врезался в опору, за которой стоял Альберт, но не мог ему повредить, поскольку прилетел с другой стороны), и вертолет, опрокидываясь в воздухе, рухнул на асфальт и через несколько секунд взорвался.

Кларисса рефлекторно давила акселератор, пока не сообразила, что никакие обломки больше не летят. Тогда она остановилась на середине дороги, поджидая бегущего к ней

Альберта.

- Цел?

- Да. А они нет, - самодовольно добавил он, показывая ей свое оружие. Он снова, теперь уже демонстративно, нажал кнопку, позволив рубиновой точке скользнуть по асфальту в сторону моста, за которым горел вертолет.

- Это было впечатляюще, - согласилась Кларисса. - Ты прямо Люк Скайвокер.

- Угу. "Люк Скайвокер и лазерная указка", или Что было, когда Джоан Роулинг пригласили писать сценарий для Lucas Films... Ладно, поехали, пока в этой колымаге осталось еще хоть немного бензина, - он снова влез на водительское место. - Вообще-то нам туда, - он указал рукой в сторону пожара, - но, поскольку там уже не проехать, придется в объезд.

- Только не снова через этот лабиринт!

- Нет, конечно. Сейчас назад вдоль реки до Кленового бульвара, потом по нему направо до шоссе и опять направо. Так точно не заблудимся.

- То есть мы поедem назад? А не получится так, что у нас кончится бензин как раз тогда, когда мы будем дальше от цели, чем сейчас?

- Ну... надеюсь, нет, но зависит от размера течи... хотя у меня еще канистра...

- Может, лучше сразу бросить машину и идти пешком?

- Ехать все-таки безопаснее, - ответил Альберт без особой уверенности в голосе.

Но, не успел он развернуться, как сзади вспыхнули фары, а затем включились красно-синие мигалки.

- Кстати, о безопасности, - проворчал Альберт. - Полиция, как всегда, вовремя. Когда мы уже справились своими силами. Но все равно, хорошо, что они тут. Может, они нам помогут.

- Чем они нам помогут? Починят бензобак?

- Не знаю. Может, подвезут прямо до Гавани. Они ведь, наверное, уже тоже едут туда.

Или поедут в ближайшее время.

- Заглушите двигатель и выйдите из машины! - проревел усиленный мегафоном голос.

- Помощники, - проворчала Кларисса.

- Сама понимаешь - наш драндулет выглядит подозрительно, - сказал Альберт. - Только без резких движений. Сегодня они стреляют без предупреждения.

Они выбрались из машины, держа руки над головой. Позади "фольксвагена" стоял, слепя их прожектором и сверкая мигалками, полицейский броневик с пулеметной турелью на крыше, лишенный окон (изображение снаружи транслировали камеры), совсем не похожий на автомобили, которые использовала полиция докризисных времен. Из своего крупнокалиберного пулемета он, в принципе, мог бы сбить охотившийся за людьми вертолет, хотя и неизвестно, кто вышел бы победителем в таком противостоянии.

Открылась дверь в бок между высоких колес, и один из копов, в черных полицейских доспехах и блестящем шлеме, с пистолетом в руке, спрыгнул на асфальт. Его напарник, очевидно, оставался внутри, готовый в любой момент открыть огонь из пулемета.

- Хорошо, что мы вас встретили, - сказал Альберт. - Я инженер, занимаюсь энергообеспечением Гавани, а это моя жена. На нас...

- Руки на капот! - перебил их полицейский. - То есть на багажник. И ноги расставить!

Они покорно развернулись и приняли полусогнутую позу обыскиваемых, положив руки на багажник "фольксвагена" и только теперь заметив новые пробитые в нем дыры заметно крупнее предыдущих. Альберт, наклонившись над багажником, почувствовал идущий из ближайшей дыры запах бензина. Похоже, на уцелевшую канистру он рассчитывал зря. И им действительно здорово повезло, что все это до сих пор не рвануло... Он собрался сказать полицейскому, что от машины лучше бы отойти подальше, но тот снова не дал ему ничего пояснить:

- Документы есть? - грубым тоном спросил коп.

- Да, в бумажнике в правом кармане брюк, - ответил Альберт.
- У меня тоже, - сказала Кларисса.
- А оружие?
- Нет.

Полицейский быстро охлопал его с боков, затем пнул ботинком его ступню с внутренней стороны, заставляя расставить ноги пошире, и так же ошупал его ноги сквозь брючины. Потом вытащил его бумажник, достал из него удостоверение личности, посмотрел, выставив в яркий свет прожектора, сунул обратно в бумажник. Пролистнул большим пальцем стопку никому уже не нужных наличных, закрыл бумажник, бросил его на багажник. Затем проделал все то же самое с Клариссой. Ей совсем не понравилось, как он обшарил ее, как бы невзначай полапав грудь и задницу, но она, конечно, смолчала.

- Это ваша машина? - спросил полицейский.
- Да, - ответил Альберт. - Документы в бардачке.
- Почему нет номерного знака?

Действительно, на месте заднего номера теперь красовалась дыра с рваными краями.

- Я же говорю вам, - начал сначала Альберт, - на нас напали. Какие-то психи на военном вертолете пытались нас убить, гнались за нами и стреляли с воздуха. Но в итоге снизились слишком сильно, зацепились винтом на столб и разбились, - про лазерную указку он решил не уточнять.

- И вот это файр-шоу - это оно и есть? - полицейский, вероятно, указывал в сторону моста, хотя Альберт не мог видеть его жестов.

- Да. Я понятия не имею, почему они к нам привязались, - добавил Альберт.

- Ну, это сейчас неудивительно, - полицейский внезапно сменил тон с обвинительного на покровительственный. - По всей стране, и по всему миру, осталось полно брошенного оружия и военной техники, которыми может завладеть кто угодно.

- Разве военные не обязаны все это уничтожить или приводить в негодность, прежде чем эвакуироваться?

- Формально, конечно, обязаны. Но кто проверит и кто накажет тех, кто просто забил на это - особенно на каких-нибудь дальних базах? Люди такие безответственные.

- Мы можем встать нормально? - осведомился Альберт.

- Да, но пока стойте тут. Я еще не закончил осмотр вашей машины. Передний номер у нее, надеюсь, цел?

- Должен быть цел, - Альберт понял, что не обратил на это внимания, когда бежал за отъезжающим задом автомобилем.

Они выпрямились, забрали свои бумажники и остались стоять, глядя, как коп с фонарем в руке обходит вокруг "фольксвагена". Альберт мысленно похвалил себя за то, что не взял у церкви неповрежденную чужую машину - кажется, "BMW" там была только одна, ее не надо было долго искать... Но вот - оказалось, что закон и порядок все еще существуют!

Полицейский остановился перед капотом, оказавшись в свете фар "фольксвагена". Наклонившись, поковырял что-то пальцем, потом снова выпрямился.

- У вас кровь на левой передней фаре, - его тон из покровительственного снова стал обвиняющим. - Это тоже с вертолета накапало?

- Нет, - ответил Альберт, проклиная про себя чертову старуху, - это... нас пытались остановить экстремисты, противники эвакуации. Нам пришлось прорываться... прямо сквозь них. Другого выхода не было.

- Экстремисты, значит, - повторил с издевкой коп и пошел обратно, обходя машину с правого бока. Открывать незапертую дверь и заглядывать в бардачок он не стал, но ободранный борт наверняка оценил. - Не слишком много приключений для одного дня?

- Сегодня, вообще-то, не самый обычный день, как вы могли заметить, - не сдержался

Альберт.

Полицейский снова встал между ними и броневиком, переводя взгляд с Альберта на Клариссу и обратно. Руку он при этом держал на расстегнутой кобуре. "Дэн, поди-ка сюда", - сказал он в закрепленный под шлемом микрофон, очевидно, обращаясь к своему напарнику. Затем снова обратился к Альберту и Клариссе:

- Так вы говорите, вы муж и жена? А почему фамилии разные?

"Господи, тебе-то какая разница? - подумал Альберт. - Один сегодня домогался, был ли у нас церковный брак, теперь второй - был ли светский... Да даже если бы и нет, какое это имеет значение, тем более - теперь?!" Но прежде, чем он успел раздраженно спросить об этом, Кларисса начала отвечать:

- Я просто решила не менять документы еще раз. Видите ли, я незадолго перед этим восстанавливала девичью фамилию после предыдущего брака, и ее на тот момент все еще не во всех базах данных успели исправить. Я решила не затевать все это заново, чтобы не вносить еще больше путаницы. Мой муж отнесся к этому с полным пониманием, - добавила она.

Из броневика выпрыгнул Дэн и какой-то вихляющей походкой, совсем не подобающей полицейскому при исполнении, двинулся к ним. Шлем он оставил в машине, уверившись, видимо, что тут ему ничего не грозит.

- Присмотри тут за господином инженером, - велел ему первый коп, - а мы с дамой пока что пробьем по базам ее документы. Идем, - велел он Клариссе, указывая на броневик.

Та с испугом взглянула на Альберта.

- По каким еще базам? - немедленно возмутился тот. - Интернет же не работает!

- По нашим локальным базам, - снизошел до объяснения коп.

- И вообще, - продолжал Альберт, - если вам нужно проверить ее документы, так возьмите их и проверяйте. А моя жена с вами туда не пойдет!

- Да неужели? - Дэн, вопреки распоряжению напарника, шагнул не к Альберту, а к Клариссе.

- Я не сяду к вам в машину без моего мужа, - твердо сказала та, хорошо помнившая мерзкие прикосновения первого копа.

- Вообще-то мы хотели избавить его от этого зрелища, - сказал Дэн, - но, если тебя такое возбуждает, можем сделать это и прямо у него на глазах, - одной рукой он наставил на Клариссу пистолет, а другой стиснул ее правую грудь.

- Альберт! - взвизгнула она. Но, не успел Альберт дернуться, как снизу в подбородок ему уперся ствол первого копа.

- Не рыпайся, инженер, - процедил тот, - а не то грохну за сопротивление полиции. Мы вообще могли сделать это сразу, и нам бы ничего не было. Все шишки уже свалили, мы последний патруль в этой части города. Но мы же не убийцы, мы, типа, служители закона... если нас не провоцировать. Поэтому просто не дергайся. Мы немного развлечемся, а потом катите себе в Гавань. Все равно через три часа ни она, ни ты ничего не будете об этом помнить, так что какая вам разница?

- Во-во, - поддержал его Дэн, обращаясь уже к притиснутой к багажнику Клариссе, - Ни беременности, ни прочей херни. Ты даже снова станешь целкой, если, конечно, была ею год назад, - осклабился он.

- Вы и сами ничего не будете помнить, - сделал безнадежную попытку Альберт.

- Угу, - кивнул первый коп. - Снова станем образцовыми защитниками порядка. Никаких моральных терзаний. Но это не помешает нам получить удовольствие здесь и сейчас. А теперь повернись, я надену наручники, чтобы ты не играл в героя, - велел он Альберту, снова разворачивая того лицом к багажнику.

- Наручники - это хорошая идея, - продолжал лыбиться второй, рассудив, что лапать жертву одной рукой, держа на весу пистолет в другой, не очень удобно. - Тебя они возбуждают,

крошка?

- Идиоты! - крикнула Кларисса. - У меня...

"У меня СПИД!" - хотела сказать она, но тут же поняла, что это не сработает. Во-первых, они не поверят этой слишком уж заезженной уловке, а во-вторых, если и поверят, скажут - да нам пофиг, хоть бубонная чума, через три часа мы снова будем здоровы! "У меня менструация"? Скорее всего, их и это не остановит. Дэн смотрел на нее с глумливым ожиданием - ну-ну, что ты там еще придумала?

- У меня х.й! - выпалила Кларисса, впервые в жизни произнеся подобное слово. Доселе в тех редких случаях, когда ей приходилось упоминать половые органы, она пользовалась латинскими названиями.

- У тебя их сейчас будет целых два! - заржал Дэн.

- Придурак, я не женщина! То есть, женщина только по документам! И меняла я их вовсе не из-за брака! Я трансгендер, мое имя при рождении Карл! Это все, - она провела рукой вдоль лица и фигуры, - гормональная терапия и пластика! Сиськи силиконовые! А там у меня член еще побольше ваших! Хотите стать пидорами?

- Разве трансгендерам не отрезают все их прежние причиндалы? - усомнился первый коп. Застегнув наручники на запястьях Альберта, он больше не считал того угрозой и теперь во все глаза уставился на Клариссу.

- Совсем не обязательно, - авторитетным тоном ответила та. - Трансгендеры, которые раньше были женщинами, даже детей рожают. Можете посмотреть в интернете... ах да, он не работает.

- А как же твой муж, или кто он тебе там? - недоверчиво спросил Дэн.

- Он "би". Его такое только возбуждает. Но вас-то нет?

Дэн хмыкнул:

- Возбуждать не возбуждает, но глянуть на такое прямо-таки любопытно... если, конечно, ты не врешь.

- Ну смотри, если никогда члена не видел, - пожала плечами Кларисса и расстегнула пуговицу, а затем молнию на джинсах. Дэн отступил на шаг назад; все еще направляя пистолет в сторону ее головы, но смотрел он - как и его вытянувший шею напарник - уже не на ее лицо, а на ее промежность. Поскольку его собственная тень загораживала свет прожектора броневика, он достал левой рукой фонарь и осветил туда.

Кларисса приспустила джинсы, одновременно засовывая большие пальцы обеих рук в трусы, и нарочито медленным движением профессиональной стриптизерши (коих никогда в жизни не видела) потянула вниз и их тоже. Дэн, который был выше ее ростом почти на голову, даже нагнулся, чтобы лучше видеть. Его фонарь освещал ее занятые трусами руки, так что никакой угрозы с ее стороны ни он, ни его заинтересованно следивший за той же сценой товарищ не ожидали.

И тут Кларисса резко и сильно боднула Дэна головой в лицо. Он охнул, и его палец нажал на спуск - не столько, вероятно, сознательно, сколько рефлекторно. Грохнул выстрел, но там, куда смотрел ствол, головы Клариссы уже не было. В следующий миг она вцепилась обеими руками в его кисть, пытаясь вырвать пистолет. Дэн выл от боли в расплюсненном носе и все еще плохо соображал; фонарь он бросил, но вместо того, чтобы задействовать левую руку для борьбы, прижал ее к лицу, и сопротивлялся скорее пассивно. Кларисса знала еще от когда-то просветившего ее Маркуса, что нельзя вырывать заряженный пистолет, держась за ствол, потому что при выстреле кожух-затвор ходит туда-сюда - так что сосредоточила усилия на рукоятке, одновременно царапая ногтями запястье и пальцы врага. В процессе борьбы, продолжавшейся несколько секунд, Дэн выстрелил еще трижды (все пули, разумеется, ушли куда-то в ночное небо), а затем Кларисса случайно нажала на защелку, удерживающую магазин, и тот выпал из рукоятки на землю. В следующий миг ей удалось сорвать с рукоятки мизинец Дэна и выгнуть

его под неестественным углом. Послышался хруст, Дэн выпустил оружие и вырвал свою кисть из ее потных пальцев. Кларисса тут же перехватила пистолет, наставляя на него, но Дэна, отступившего на пару шагов назад, это, похоже, даже не испугало (возможно, потому, что он считал оружие уже не способным стрелять). Он лишь ныл, сглатывая кровь, текущую по лицу, и держа на весу пострадавшую руку: "Зука, ды бде дос сломала! И палец..."

- Эй! - гаркнул первый коп. - Посмотри-ка сюда! - он уже несколько секунд как мог бы выстрелить в Клариссу, но в его планы все еще не входило лишать себя удовольствия, поэтому его ствол смотрел не на нее, а в переносицу Альберта, который успел уже снова повернуться лицом к нему и спиной к багажнику. - Положи пушку, или я разнесу ему башку!

Что-то негромко щелкнуло, но этот звук исходил не от пистолетов.

- Это ты посмотри сюда, придурок, - сказал Альберт. - Посмотри на мои руки.

Полицейский, на всякий случай шагнул назад, чтобы не попасть в ту же ловушку, что и его товарищ, перевел взгляд вниз. За то время, что его внимание было отвлечено Клариссой, Альберт успел вытащить скованными за спиной руками зажигалку, которую, хотя и не курил (как и Кларисса), на всякий случай всегда таскал в кармане брюк. Когда коп обыскивал его, то не счел этот предмет опасным и подлежащим конфискации. И вот теперь Альберт держал горящую зажигалку прямо над пробитой в багажнике дырой.

- Этот багажник полон бензина из пробитой канистры, - сказал он. - Ты бы и сам мог его учуять, если бы думал головой, а не головкой. Если я сейчас выпущу зажигалку, мы все взлетим на воздух. Я могу сделать это по своей инициативе, или потому, что ты выстрелишь в меня - эффект будет одинаковый.

- Ладно, ладно, - примирительно произнес коп, лишь теперь осознавший, что и в самом деле чувствует запах бензина. - Погаси эту штуку, и мы договоримся, - он демонстративно отвел пистолет в сторону. - Мы все просто хотим в Гавань, так? Никому из нас нет нужды умирать.

- Положи оружие и ключи от наручников на землю, и можете валить, - сказал Альберт.

- Пешком, - хищно добавила Кларисса, продолжая целиться в Дэна. - Броневик оставите нам.

- Ладно, ладно, - вновь пробормотал первый коп, доставая из кармана ключ от наручников, а затем - не положил его вместе с пистолетом на асфальт, как велел Альберт, а отбросил оба предмета куда-то вбок, в темноту, чтобы, очевидно, противники не могли подобрать их быстро. Тут же, впрочем, он быстро поднял руки над головой, показывая - все, все, я уже не опасен!

В этот же миг Дэн сорвался с места и рванул к броневику, решив, очевидно, что теперь каждый сам за себя. Кларисса нажала на спуск. Она стреляла впервые в жизни, но промахнуться с трех шагов в широкую спину полицейского было невозможно. Чего, однако, она по неопытности не учла, так это отдачи. Пистолет 44 калибра резко рвануло вверх, едва не выбив из ее руки, и последняя пуля, оставшаяся в стволе после отсоединения магазина, ушла не в спину Дэна, защищенную бронезилетом, а намного выше - в основание его черепа, где и образовала кровавый кратер, разметав в стороны обломки кости и ошметки мозга. Тело шумно рухнуло в темноту, ниже луча прожектора.

- Всё, всё! - повторял единственный оставшийся полицейский, пятясь назад с поднятыми руками. Кларисса нагнулась, пытаясь отыскать во мраке, едва рассеиваемом задними огнями "фольксвагена", на асфальте выпавший магазин, но прежде, чем ей удалось это сделать, коп добрался до двери броневика, оставленной Дэном открытой, и проворно заскочил внутрь, захлопывая дверь за собой. Альберт понял, что сейчас он отъедет на несколько метров назад и откроет огонь из пулемета. Однако Альберт уже рассмотрел то, на что коп, все время стоявший спиной к своей машине и к тому же не смотревший вниз, не обратил внимания - ручеек бензина, вытекавший из пробитого багажника, не только тек в сторону броневика, но и уже добрался до его переднего колеса.

- Кларисса, беги влево и падай! - крикнул Альберт, делая прыжок вперед, а затем, присев на корточки со скованными за спиной руками, поджег зажигалкой этот ручеек на асфальте. Пламя побежало вперед к броневнику и назад, ко все еще более близкому "фольксвагену". Альберт отчаянно метнулся вправо, споткнулся о бордюр и покатился по газону, отделявшему проезжую часть от протянувшихся вдоль набережной домов.

Жахнуло.

Столб огня высоко взметнулся над останками "фольксвагена", подбрасывая вверх крышку багажника - которая, перевернувшись в воздухе, с глухим лязгом упала на асфальт. Брызнули шрапнелью осколки последних оставшихся целыми стекол и еще какие-то мелкие обломки. Обдающая жаром волна прокатилась над вжавшимися в землю Альбертом и Клариссой. Броневик, ревя дизельным мотором, катился задом прочь; его левое переднее колесо пылало по всему периметру.

Когда Альберт, наконец, решился поднять голову из пожухлой травы (к счастью, оказавшейся слишком влажной, чтобы загореться), броневика уже не было ни слышно, ни видно - очевидно, ему все же удалось укатить прочь, несмотря на горящую шину. Черный остов "фольксвагена" продолжал полыхать, но взрываться там было уже нечему.

Вдали за мостом все еще горел вертолет.

- Кларисса, ты как? - крикнул Альберт.

- Вроде в порядке, - донеслось от самого парашюта, - только пистолет потеряла. Кажется, он под решеткой проскользнул и в реку свалился.

- Черт с ним, тут где-то еще один валяется. Но главное - ключ от наручников найти.

Подошла Кларисса, по широкой дуге обойдя охваченный огнем автомобиль и лежащий рядом труп Дэна, который тоже уже горел. Вся ее одежда была в грязи, а джинсы по-прежнему расстегнуты.

- Застегнись, - сказал Альберт, неуклюже поднимаясь со скованными руками.

- Ох... да, - она подтянула и застегнула джинсы. - Даже и забыла... так бы и шла до самой Гавани... Вот ведь скоты! И ведь это же были настоящие полицейские? Не переодетые бандиты?

- Думаю, - мрачно сказал Альберт, - и военные в вертолете тоже были настоящие. Управлять такой штукой может только профессионал, в компьютерных играх этому не научишься. А кроме того, даже если на каких-то аэродромах и бросили сами вертолеты, не выведя их из строя, то уж по крайней мере не оставили бы ключи от них в общедоступном месте. Это ж надо было специально постараться - "уважаемые мародеры, все замки открыты, все защиты отключены, пройдите, пожалуйста, туда-то..." Нет - эти парни просто решили использовать свой последний шанс сделать то, к чему их готовили всю жизнь. Пострелять по реальным целям, а не по мишеням на полигоне.

Брошенный пистолет они нашли при свете пламени почти сразу, а вот с ключом от наручников вышла проблема. Его нигде не было, и Альберт не мог припомнить, чтобы слышал, как он звякнул при падении - а хуже всего было то, что возле тротуара находилась решетка водостока, и у Альберта возникло подозрение, быстро перераставшее в уверенность, что ключ упал именно туда. Он даже заикнулся было: "Ладно, мы только теряем время на бесполезные поиски, пошли так...", то Кларисса решительно возразила: "Тебя пристрелят еще на подходе к Гавани, как только увидят наручники, и меня заодно - решат, что ты сбежал из тюрьмы с моей помощью", и продолжила ползать на четвереньках по газону, переворачивая каждую былинку. И в конце концов ей действительно удалось обнаружить под каким-то сухим листом маленькое металлическое колечко со штырьком, в котором она, никогда прежде не видевшая, как выглядит ключ от наручников, даже не сразу опознала искомое. Но это было именно оно, и минуту спустя Альберт уже разминал освобожденные запястья. Затем он достал из кармана рубашки телефон, чтобы проверить время и заодно посмотреть загруженную когда-то карту, но оказалось, что телефон разбился при падении. Телефон Клариссы и вовсе остался в машине.

- Ладно, - констатировал Альберт, - у нас в запасе еще, надо полагать, почти три часа. За это время мы должны успеть даже пешком. Идем.

Два с половиной часа до конца света

Электричества, похоже, не было уже нигде. Город освещали только полная луна, которая поднималась все выше, и зарево пожаров, которых становилось все больше. Река давно осталась позади, но Альберт и Кларисса, ориентируясь главным образом по луне и табличкам, которые удавалось рассмотреть в ее свете, выбрались, наконец, из лабиринтов старого города и углубились в район новой застройки с высотными домами. Улицы здесь были прямыми, но дышать было тяжело из-за едкого запаха гари - пожаров в этих домах было особенно много, как в силу самого обилия квартир, так и потому, что огонь, вспыхнувший в одной из них, с легкостью перекидывался на соседние. Если пламя разгоралось на нижних этажах, то шахта лифта превращала все здание в вытяжную трубу. Иные улицы напоминали натуральный ад - огонь пылал по обеим сторонам, обдавая жаром даже на середине, сверху сыпались или плавно опускались какие-то мелкие горящие обломки и клочки вперемешку с пеплом, дым затмевал луну, а густой смог не позволял разглядеть ничего, кроме багрово-черного марева, дальше нескольких десятков метров. Идти через такие места без противогаза, а лучше - полного пожарного комбинезона, было бы самоубийственной идеей, так что их приходилось обходить, делая очередной крюк.

- Не пойму, откуда столько пожаров, - сказала Кларисса. - Раз ни электричества, ни газа больше нет - а в новых районах газа и вовсе никогда не было - и никаких каминов и печей в этих домах нет тем более.

- Ну как - свечи, - ответил Альберт, - а кому-то, возможно, и вовсе хватило ума разводить костры в ванной или на лестничной клетке, чтобы приготовить пищу. Но это, скорее, в предыдущие дни. Сейчас из этих домов уже все должны были эвакуироваться, так что это, скорее всего, поджоги.

- Кому нужно поджигать брошенные здания, которые и так исчезнут через несколько часов?

- Пироманам. Город сейчас рай для них... как и для всяких прочих извращенцев.

Они даже увидели одного из таковых. Какая-то темная фигура выбежала из подъезда одного из домов и уставилась на окна горящих квартир наверху - но, заметив Клариссу и Альберта (особенно, очевидно, Альберта, который демонстративно шагал с пистолетом в руке), побежала, пригибаясь, прочь.

На тротуарах и проезжей части все чаще попадались трупы - уже отнюдь не только собак. Большинство мертвецов имели пулевые раны и лежали в лужах крови, нередко уже засохшей; было уже невозможно определить, кто из них - застреленные патрулями бандиты и мародеры, а кто - жертвы таковых. Но некоторые, вероятно, умерли, надыхавшись угарным газом, или еще от каких-то причин, вплоть до сердечных приступов - никакие медицинские службы давно уже не работали. Единственная помощь, которую могли оказать больным в последнее время - это досрочная эвакуация в ту эпоху, когда они еще были здоровы... или, по крайней мере, более здоровы, чем сейчас. Но если в предыдущие дни еще оставались машины "скорой помощи", доставлявшие больных в Гавани вместо закрывшихся больниц, то теперь уже не было и их. Сами Гавани стали последними островками, где (как, по крайней мере, надеялся Альберт) все еще существовали власть и порядок. За их пределами люди, все еще остававшиеся в городе - как, очевидно, и по всей планете - были предоставлены сами себе.

Кларисса обратила внимание на мертвую женщину, которая лежала поперек тротуара, все еще прижимая к себе ребенка - мальчика лет четырех. Через весь ее лоб тянулась темная трещина, но крови заметно не было. Очевидно, причиной смерти стало падение с высоты.

- Выпрыгнула, спасаясь от огня? - предположила Кларисса, посмотрев вверх. Под самой крышей дома, на двадцать четвертом, кажется, этаже, из окон вырывалось пламя.

- Вряд ли, - Альберт брезгливо повел носом; дух разложения чувствовался даже сквозь запах гари. - Они здесь лежат уже дня два. Никакой пожар не мог бы гореть так долго. Признаков насилия вроде не заметно, она полностью одета, так что, скорее всего - самоубийство.

- Не "само", - возразила Кларисса; они шагали дальше, оставив мертвецов позади. - Она убила еще и своего ребенка. Это-то зачем?! Могла доставить его в Гавань, а уж потом делать с собой что угодно. А у него бы год назад снова была мама... ведь так?

- Наверное, она была из тех, кто не верит в эвакуацию. Кто считает, что в Гаванях людей просто сжигают электрическим разрядом, - усмехнулся Альберт.

- Даже если так - лучше уж разрядом! Мальчик наверняка вопил от ужаса, пока летел с такой высоты. И не факт, что умер сразу после удара. Мог еще мучиться, лежа с переломанными костями под трупом матери... Да и, в любом случае - можно же и без разряда, и без прыжков с крыши! Просто дожидаться, пока... - Кларисса кивнула на небо, хотя Немезида вместе с Солнцем находилась уже ниже горизонта. - Это же будет безболезненно? Так быстро, что мы ничего не успеем почувствовать.

- Не мы, а те, кто останется, - строго уточнил Альберт. - Но, в общем, да. На освещенной стороне - просто мгновенная вспышка и все. Которая ослепит и сразу же сожжет любого наблюдателя. Ночная сторона продержится чуть дольше. Земля прикроет ее от первой волны - излучения, распространяющегося со скоростью света. Еще можно будет увидеть, как ослепительно ярко засияет в этом свете Луна, и даже пару минут любоваться этим зрелищем. Но потом фронт основной волны - плазма температурой в миллионы градусов - доберется и сюда. Картина будет чуть отличаться в зависимости от того, какая из моделей окажется верной - кинетический взрыв или гравитационный коллапс - но итог для всех земных форм жизни будет один.

Они пошли мимо большой заброшенной стройплощадки, посреди которой торчал, словно изъеденный кариесом обломок гнилого зуба, недостроенный небоскреб. Рядом с ним по-прежнему возвышался кран, под стрелой которого покачивалась на ветру так никогда и не донесенная до цели бетонная плита, а на заборе вокруг все еще красовались пыльные плакаты "Строительство ведет компания... Приносим извинения за временные неудобства." Ниже был указан запланированный срок окончания строительства - два месяца после конца света.

- Я слышал, - добавил Альберт с усмешкой, - что какие-то безумные астрономы решили остаться только для того, чтобы в последние секунды своей жизни узнать, кто же из них был прав в споре насчет моделей. Но это, скорее всего, байки.

- Может, и не байки, - возразила Кларисса. - Только представь себе - год за годом, цикл за циклом терзаться этим вопросом и всякий раз возвращаться обратно, так и не узнав ответа. Прямо буквальное воплощение мифа о Сизифе. И даже хуже, потому что для Сизифа камень был лишь навязанной ему обузой, а не его собственной мечтой. А для них ведь этот вопрос, наверное, самый важный? Вершина их научной карьеры?

- Ну, в общем... в каком-то смысле... - пробормотал Альберт. - Знаешь, я, конечно, осуждаю ту женщину, которая убила своего ребенка - но если бы мне в его возрасте сказали, что я навсегда останусь четырехлетним, меня бы это очень сильно расстроило.

- Все дети хотят повзрослеть, а взрослые жалеют, что не могут вернуться в детство, - усмехнулась Кларисса. - Люди не умеют ценить того, что имеют.

- Вот как раз я - нет, - возразил Альберт. - Я всегда оценивал детство адекватно - и тогда, и сейчас. Это вовсе не пора беззаботного счастья. Ребенок бесправен и слаб, все его возможности крайне ограничены, его может обидеть кто угодно и никто не воспринимает всерьез.

- Пожалуй, соглашусь, - кивнула Кларисса. - Хотя меня никто особенно не обижал. И уж

тем более не было всяких ужасов типа сексуальных домогательств, которым, если верить статьям из интернета, подвергается чуть ли не каждая третья девочка. Просто мое детство было... скучным. Я как-то прежде тебе о нем не рассказывала, не потому, что мне было что скрывать, а потому, что и рассказывать-то нечего. Мои родители честно исполняли все положенные обязанности, у меня были и игрушки, и книжки, и поездки на море - раз в год на неделю в августе, перед началом занятий... помню, как мне всегда отравляла эти поездки мысль, что каникулы кончаются... но для них это были именно *обязанности*. Словно после каждого устроенного мне развлечения они доставали из сейфа официальный бланк "Форма №1248-Б. Список обязательных регламентных работ с изделием "Кларисса", тип: ребенок, подтип: девочка", находили в списке соответствующий пункт - скажем, "Сводить Изделие в "Диснейлэнд"" - и с наслаждением его вычеркивали. С гораздо бóльшим наслаждением, чем от самого мероприятия... Когда мне исполнилось шестнадцать, они, видимо, вычеркнули последнюю строчку, с чувством исполненного долга пожали друг другу руки и развелись. Наверное, я в первую очередь поэтому никогда не хотела иметь собственных детей... В общем, если мое детство и не было самым худшим временем в моей жизни, то уж точно и не самым счастливым, - она помолчала и серьезно, без тени кокетства, добавила: - Самым счастливым были эти последние восемь месяцев с тобой.

- Да, - столь же серьезно ответил он, - и для меня тоже. Хотя еще год назад я бы назвал идиотом всякого, кто стал бы убеждать меня, что работа - это не самое главное в жизни. Я бы сказал, что он просто слишком туп, чтобы найти себе более интеллектуальную работу, чем таскать мешки или перекладывать бумажки в отделе продаж, а потому пусть не судит обо мне со своего обезьяньего уровня. Но потом... особенно после встречи с тобой... я стал все больше задумываться о сути своей работы и о том, настолько ли велико ее значение, особенно в контексте... всего этого, - он дернул головой в сторону не то неба, не то ближайшего горящего здания. - Не прикладное, оно-то как раз велико, а... как говорится, *sub specie aeternitatis*³... каковой *aeternitatis* у человечества отныне и навсегда остается только год. Ладно бы еще я был великим писателем или там композитором... творцом, создающим новое, пусть даже это новое окажется столь же недолговечно, как скульптуры изо льда или песка. Или великим ученым, открывающим базовые законы мироздания... хотя даже это уже сомнительно. Ибо эти законы существуют и действуют объективно, вне зависимости от того, открыты они кем-то или нет. Ученый, в отличие от творца, не создает ничего нового, он лишь, как сказал кто-то из физиков прошлого, утоляет свое любопытство за государственный счет. И тем самым ничем, по сути, качественно не отличается от обывателя, который смотрит тупые телешоу. Один утоляет свое любопытство, глядя в телевизор, другой - глядя, допустим, в телескоп, вот и вся разница. А я - я даже не ученый. Я всего лишь инженер, решающий чисто прикладные задачи. И получается, что я живу для того, чтобы снабжать электричеством Гавань, а Гавань нужна для того, чтобы я мог продолжать жить. Порочный круг. Бессмыслица. То есть смысла ровно столько, сколько у презираемых мной обывателей, у которых вся жизнь уходит на то, чтобы на нее зарабатывать. А теперь еще и этот круг сворачивается в колечко размером всего в год. Пусть даже его можно проживать каждый раз по-новому, но я-то все равно ничем другим, кроме решения одних и тех же задач по энергообеспечению Гаваней, заниматься уже никогда не буду... И получается, что - только ты и принесла в мою жизнь отсутствующий смысл. Звучит несколько пафосно, но...

- Мы все так привыкли бояться пафоса, - вздохнула Кларисса. - Только бы не сказать чего-то, что не прозвучит достаточно цинично, только бы не продемонстрировать, что у нас есть чувства, а не только скепсис и ирония. А бояться надо не пафоса, а неискренности. Не того, что скажешь лишнее, а того, что не скажешь нужное.

- Я, конечно, понимаю, что это не смысл вселенского масштаба, - продолжал Альберт. -

³ с точки зрения вечности (лат.)

Это всего лишь мой, точнее - наш субъективный смысл, наполняющий нашу жизнь здесь и сейчас. Но, в конечном счете, как бы мы ни пыжились изображать объективность, только субъективное для нас и имеет значение, ведь так?

- Простите! - донеслось справа.

Голос был женский и совсем не звучал угрожающе, но Альберт обернулся на него с пистолетом в руке. Тут же, впрочем, он опустил оружие.

На первом этаже здания, мимо которого они проходили, располагалась аптека, но теперь от нее осталась только вывеска. Само помещение, насколько можно было судить в полумраке, было полностью разгромлено - несмотря на то, что аптеки, в отличие от никому уже не нужных ювелирных и даже от нужных продовольственных магазинов, охранялись очень хорошо, круглосуточными военными и полицейскими патрулями, ибо после введения сухого закона они оставались последним местом, где еще можно было раздобыть психоактивные вещества. Но то было в прошлом; теперь никаких патрулей не осталось, и кто-то уже успел раскурочить и выломать листы броневой стали, закрывавшие витрины и дверь - вероятно, для этого пригнали тяжелую технику со строительной площадки.

Но молодая женщина, стоявшая в проеме выломанной двери, едва ли имела к этому разгрому какое-то отношение. Она покосилась на пистолет в руке Альберта, но, похоже, сочла таковой скорее атрибутом власти (официальной или неофициальной - уже не имело значения), чем угрозой для себя лично, и направилась прямо к нему:

- Вы случайно не знаете, где можно достать суфентанил? Или трамадол? Или хоть какие-то опиоиды? У меня есть рецепт! - поспешно добавила она, протягивая Альберту какую-то тонкую мятую бумажку, которую тот все равно не разглядел бы при таком освещении, да и не собирался этого делать.

- Нет, - ответил он. - Не имею ни малейшего понятия. Если вам нужна медицинская помощь, идите в Гавань. Это сейчас единственное и универсальное средство от всех болезней.

- Это не для меня, - пояснила девушка. - Это для моего отца. У него рак, ему нужно сильнодействующее обезболивающее.

- Тогда почему он все еще здесь? - удивился Альберт. - Тяжелобольных эвакуировали в первую очередь.

- Он не хочет эвакуироваться, - покачала головой девушка. - У него четвертая стадия, и началось это все задолго до Точки возврата. Он не хочет проходить через все эти муки снова и снова.

- Понимаю, - кивнул Альберт. - Ну тогда утешить могу только тем, что страдать ему осталось менее двух часов. Больше, увы, мы ничем не можем помочь.

Он снова зашагал вперед вместе с Клариссой, но девушка после короткой паузы нагнала их.

- Можете, - сказала она, глядя на пистолет в его руке.

- Вы имеете в виду... - сообразил Альберт.

- Вы понимаете, он не сделает это сам! - снова заторопилась девушка. - Он верующий и считает, что это грех! Что надо до самого конца терпеть муки здесь, иначе придется вечно терпеть их в аду. Но я же вижу, как он страдает! И не только вижу. Он кричит в голос с тех самых пор, как перестала работать последняя аптека. Даже еще два часа такой пытки... А если это сделаете вы, это ведь не будет самоубийство! Он же не давал и не даст вам своего согласия! И его жестокий бог будет доволен.

- Хм... - сама идея прекратить страдания безнадежно больного хотя бы и против его воли Альберту ничуть не претила, но сколько это займет времени? - А это далеко? Мы, вообще-то, спешим в Гавань. Да и вам лучше поторопиться.

Может, просто отдать ей пистолет, подумал Альберт, но мысль остаться без оружия на этих улицах ему тоже не понравилась. Да и согласилась ли бы она убить отца своими руками?

Наверное, нет, иначе уже задушила бы его подушкой...

- Я дам вам ключи от машины! - пообещала девушка. - Тут близко. Всего один квартал.

Альберт посмотрел на Клариссу, но та кивнула, и они пошли за девушкой, повернувшей назад, а затем - в проход между стройкой и аптекой.

Квартал, однако, оказался неприятно длинный - забор справа и дома слева все тянулись и тянулись, уводя их все дальше от Гавани - пусть не в прямо противоположную сторону, а под прямым углом, но это тоже не радовало. Впрочем, на машине они доедут минут за десять, так что, даже если оставить в стороне моральную сторону, сделка была выгодной. Однако чертов квартал никак не кончался, и Альберта снова начали одолевать сомнения - а почему, собственно, она сказала "я дам вам ключи", а не "я отвезу вас", и почему, главное, сама пришла в аптеку пешком, а не приехала?

- Ваша машина на ходу? - строго спросил он в спину их провожатой.

- Да, машина в порядке.

- А бензин есть?

- Нету, - ответила девушка, но прежде, чем Альберт возмущенно распахнул рот, пояснила:

- Она электрическая.

- И аккумулятор заряжен?

- Да.

- Тогда почему мы идем, а не едем?

- Отец, сами понимаете, водить уже не может, а я не умею. Я на велосипеде обычно... но шины пропорола, сейчас же на улицах черт-те что, а никакой ремонт уже не работает...

Наконец впереди показался перекресток. На горизонтальной штанге светофора, некогда регулировавшего движение прямо, налево и направо, висело что-то длинное и темное. Подойдя ближе, Альберт понял, что это полицейский в форме. Учитывая недавний опыт, он не почувствовал никакого сожаления - хотя разум и подсказывал, что некорректно судить по двум подонкам обо всех их коллегах. Девушка прошла мимо удавленника, уделяя ему не больше внимания, чем фонарному столбу.

- Вот этот дом, - показала она.

Дом оказался 32-этажной башней, некогда, вероятно, считавшейся если и не суперэлитным, то достаточно дорогим и престижным жильем. Света, конечно же, нигде не было и здесь, хотя в зеркальных окнах отражалось зарево далеких пожаров. К счастью, далеких - ни в этом доме, ни в соседних, пожаров не было.

Кодовый замок подъезда был вырван с мясом - причем скорее самими жильцами, чем мародерами. Без электричества он был только ненужной помехой. Трое вошли в подъезд и окунулись в непроглядную тьму. Альберт нашарил руку Клариссы.

- Осторожно, тут ступеньки, - предупредила девушка. - Нам направо сейчас, потом еще раз направо и вверх по лестнице.

- Какой этаж? - мрачно спросил Альберт.

- Двадцать восьмой, - ответила девушка извиняющимся тоном. - Понимаю, высоко, но что поделаешь, лифт же не работает.

- Могли перебраться в квартиру пониже, - проворчал Альберт. Хотя он и был в неплохой форме, он сильно не любил два вида физических нагрузок - бег по горизонтали и подъем по вертикали. - В доме наверняка уже никого не осталось.

- Да, но... мародерам тоже лень на самый верх пешком топать. А на первых этажах они...

Альберт был вынужден мысленно признать резонность этого аргумента.

- Кларисса, ты как? - он слегка сжал руку жены. - Выдержишь этот альпинизм, или лучше внизу подождешь? - впрочем, идея оставить ее одну в этой тьме ему тут же разонравилась, особенно в контексте только что прозвучавшей фразы о мародерах. Хотя сейчас уже, конечно, любые мародеры должны все бросить и топать в Гавань - но это только те, кто верит в

эвакуацию...

- Идем, - ответила Кларисса, подумавшая о том же самом.

И они начали неторопливо подниматься по лестнице, иногда останавливаясь на площадках для короткой передышки. С верхних этажей Альберт, наконец, увидел то, на что рассчитывал - отдаленное зарево белых электрических огней, пробивавшееся между более близкими высотными домами. Гавань. Значит, там по-прежнему все функционирует в штатном режиме, как он и ожидал. Он сделал свою работу на совесть.

Наконец трудный подъем закончился. Они остановились перед дверью квартиры, переводя дыхание. Из-за двери доносились стоны, порою срывавшиеся на крик. Девушка шарила в темноте ключом. Ее рука дрожала, и она никак не могла попасть в скважину. Наконец дверь распахнулась. За нею тоже было темно, но не абсолютно - откуда-то справа мерцал отблеск тусклого огонька. В носшибанул запах мочи и кала, намного более сильный, чем уже почти выветрившийся запах лекарств.

- Рина, ты? - простонал хриплый, сорванный от крика голос.

- Я, - ответила девушка.

- Достала?

- Да, папа. Сейчас тебе уже не будет больно.

Она сделала в полумраке знак Альберту, указывая ему направо. Он полагал, что она войдет первой и как-то отвлечет старика разговором, даст возможность выстрелить ему в затылок, но она этого не сделала, и он шагнул в открытую дверь комнаты, освещенной единственной свечой на столике. Измученное лицо, больше похожее на обтянутый кожей череп, непонимающе уставилось на него с кровати. Затем глаза старика увидели пистолет и распахнулись еще шире - как и рот, собиравшийся что-то сказать. Альберт не стал дожидаться, будут ли это слова протеста или согласия. Он нажал на спуск.

Выстрел из 44 калибра почти в упор разнес старику всю верхнюю половину головы, расшвыряв кровавые ошметки по подушке и одеялу, и Альберт подумал, что Рине никак не стоит это видеть даже при тусклом свете свечи. Однако она уже вошла - и увидела.

- Простите, - только и смог сказать Альберт.

- Спасибо, - сказала Рина. Затем подошла к столу, выдвинула ящик, порылась в нем на ощупь. - Ваши ключи. Там другие машины брошенные стоят, но вы нажмете на кнопку, машина мигнет и пикнет - не ошибетесь, какая.

- А вы нам разве не покажете? - удивился Альберт.

- Нет.

- То есть? Вы что, не поедете с нами в Гавань?

- Нет, - повторила Рина.

- Но... - растерялся Альберт, - вы-то ничем не больны, как я понимаю?

- Какая разница, - устало вздохнула девушка. - от того, что произошло здесь сейчас, прошлое ведь не изменится. Он по-прежнему будет там, и мне снова придется весь год возиться с ним... весь этот ужасный год. Он прошел через это один раз, а я буду проходить снова и снова. С его мировой линией, волновой функцией или как там еще это называют... неважно. Важно, что никакой другой жизни для меня уже не будет. Навечно. Отец боялся ада на том свете, а люди создали его на этом. Не хочу.

- Ясно, - пробормотал Альберт. Затем снова посмотрел на пистолет в своей руке. - Тогда что же... и вас тоже?

- Нет, - ответила она таким тоном, словно отклоняла предложенную чашку кофе. - У меня-то ничего не болит, так что я собираюсь досмотреть это шоу до конца. Использовать хотя бы полтора часа полученной свободы. Залезу сейчас на крышу с бутылкой вина, специально сберегла для такого случая, и буду наслаждаться зрелищем. Хочу увидеть, как луна станет яркой как солнце.

- Ладно, - сказал уже другим, деловым тоном Альберт. - Так где стоит машина?

- В подземном гараже, минус второй этаж.

- М-мать!!! - не сдержался Альберт.

- Там темно, конечно, но я вам фонарик дам, - по-своему поняла его возмущение Рина.

- При чем тут фонарик?! Как я вашим фонариком ворота открою?! Они же на электричестве!

- Ой... - растерялась Рина. - Об этом я как-то не подумала... Но, может, их открыл уже кто-нибудь? Кто раньше эвакуировался?

- Может быть, - мрачно согласился Альберт. - Или, может, их все-таки вручную поднять можно. Хотя вряд ли - в таких домах такая защита от воров, что вскрыть запертую дверь гаража можно только автогеном... Ладно, давайте хоть фонарик! Не хватало еще только ноги тут переломать...

Рина снова покопалась в ящиках стола.

- Вот. Извините, что так вышло, и... удачи вам обоим. В новой старой жизни.

Альберт включил фонарик и вышел к ожидавшей его в прихожей Клариссе, которая мудро не заглядывала в спальню старика, но, конечно, слышала через открытую дверь весь разговор.

Они бегом слетели по лестнице до самого низа - учитывая перспективу остаться без машины, времени оставалось совсем в обрез - и ворвались во тьму подземной парковки. Электромобиль, стоявший на специальной стоянке с подзарядкой (теперь уже, понятно, бесполезной, но питавшей его аккумулятор в предыдущие недели), послушно отреагировал на кнопку, на миг озарив еще несколько навсегда брошенных хозяевами машин - но ворота, увы, оправдали худшие подозрения Альберта. Он даже попытался протаранить их, въехав в них задом электромобиля - но добился лишь большой вмятины на багажнике и меньшей на самих воротах и не более чем.

Однако лучи фар, метавшиеся по подземелью в процессе этих эволюций, выхватили из мрака некий предмет, наведший Альберта на новую идею. Предмет оказался задним отражателем велосипеда, пристегнутого к металлическому поручню возле дальней стены.

- Смотри! - указал Альберт Клариссе, останавливая машину рядом. - Это не Ринин - шины не сдуты.

- Но тут только один велосипед, - заметила она.

- Вдвоем на одном ехать не очень удобно, но можно. Сядешь мне на колени и поставишь ноги на мои, а я буду крутить педали.

- И он пристегнут. Вон какой толстый трос, чем мы его перекусим?

- Не надо ничего кусать, - Альберт выбрался из электромобиля и наклонился над велосипедным замком. - Имеем четыре колесика по 6 цифр на каждом, что теоретически дает нам 6^4 комбинаций. Это 36 в квадрате, то есть... 1080+216... 1296 - не очень много, но у нас все равно нет времени на полный перебор. Однако я уверен, что житель такого дома, избалованный уже имеющимся уровнем безопасности, ленился каждый раз выставлять все четыре цифры и менял только одну. Причем всегда одну и ту же - люди консервативны. А тогда одно колесико вращается легче, чем остальные... - говоря это, он аккуратно крутил колесики кодового замка туда-обратно, - и это четвертое. Итого у нас 6 вариантов... раз... два... три... готово! - он расстегнул замок.

Они вытащили велосипед на лестницу и выбрались с ним наружу через подъезд.

Ехать вдвоем действительно было не слишком удобно, особенно учитывая, что шины казались накачанными только без нагрузки, а под весом двух седоков изрядно проминались - велосипед, похоже, был брошен хозяином много недель назад. На нем были установлены передний и задний фонари, но батарейки в них тоже почти сели, так что Кларисса освещала дорогу фонарем Рины, держа его в руке - что было очень полезно, ибо на улицах действительно

полно было битого стекла и прочих обломков, представляющих наибольшую опасность как раз не для туго накачанных, а для полуспущенных шин. На тротуарах всего этого мусора было больше, на проезжей части меньше, так что они старались ехать по самой середине улицы, прямо по разделительной линии. Но все же такой способ перемещения был почти вчетверо быстрее, чем пешком.

С какой-то крыши по ним кинули бутылку, но промахнулись - она с грохотом разбилась позади. Затем они миновали автомобиль "скорой помощи", кабина которого была изрешечена пулями, а задние двери распахнуты настежь - видимо, и это было делом рук мародеров, искавших наркотики. Дважды они сами слышали выстрелы, но стреляли где-то в стороне, далеко от их маршрута. Затем позади них послышался быстро приближающийся шум мотора, и Альберт резко свернул к тротуару, прижимаясь к самому бордюру, слишком высокому, чтобы въехать на него. Автомобиль (это оказался пикап на здоровенных колесах, какой редко увидишь в городе) промчался в считанных дюймах слева от них, обдав их теплом и дизельной вонью. Возможно, водитель просто не заметил их и их слабенький задний фонарь в темноте, но скорее все же пытался сбить специально. Однако, промахнувшись, он не попытался развернуться для нового захода и умчался дальше, ревя мотором. Но Кларисса и Альберт втащили велосипед на тротуар и поехали дальше там, на случай, если пикап вернется или прикатят другие подобные отморозки. Однако никаких машин больше не появилось - зато шины у них все-таки вскоре спустили окончательно. Альберт какое-то время еще налегал на педали, крутя тяжело вращавшиеся колеса, но в итоге решил, что тратит на это больше сил, чем на ходьбу пешком.

Однако они уже почти добрались. Они снова находились в районе старой застройки - не такой старой, как полусредневековые лабиринты у реки, но все же большинство домов здесь были построены или до Второй мировой, или вскоре после. Улица, по которой они ехали, некогда была тенистым бульваром с деревьями и скамейками, но потом центральную ее часть тоже вырубили и заасфальтировали, чтобы увеличить пропускную способность и разгрузить от вечных пробок. Но вот теперь впереди, словно воплощение окончательной победы Бога Пробок над жалкими усилиями людей, все было забито машинами, стоявшими вплотную друг к другу не только по всей ширине проезжей части, но и на тротуарах. Но это не была пробка, которую можно уподобить тромбу в еще живом организме. Это была давно свернувшаяся кровь в уже мертвой артерии. Это были брошенные автомобили тех, кто приехал в Гавань раньше - на день, на неделю или на месяц; такие заторы окружали Гавань со всех сторон. Поначалу от покинутых машин еще пытались избавляться, грузя их на трейлеры и вывозя на свалки, вытаскивая грузовыми вертолетами, давя асфальтовыми катками и кладя сверху бетонные плиты, стальные листы и армейские понтоны - но вскоре плюнули на эти бесплодные попытки справиться с растущим потоком.

Кларисса и Альберт бросили велосипед и пошли пешком через это бесконечное автомобильное кладбище, где в иных местах приходилось буквально протискиваться между корпусами машин или между машиной и стеной дома. Судя по разбитым передним и задним стеклам во многих машинах, застрявшие в этом последнем заторе часто даже не могли открыть дверцы и выбирались наружу таким путем. Но затем впереди показалась арка, в которой висел знак "Въезд запрещен". В последние дни, разумеется, никто не стал бы обращать на него внимания, но на тот момент, когда брошенные машины на улице наглухо перегородили вход в арку, знаков еще слушались (чему способствовали усилия вооруженной полиции), и внутри было свободно. Альберт указал туда:

- Пройдем дворами!
- А не упремся в тупик? - усомнилась Кларисса.
- Нет, я знаю этот район. Там можно пройти.

Кларисса последовала за ним не без опасения - ей чудилось, что в этих дворах может подстергать какая-нибудь засада. Архетипичный страх примерной девушки перед темными

подворотнями и глухими закоулками, где может поджидать шпана - особенно нелепый, конечно, теперь, когда в такую подворотню превратился весь город, и к тому же у Альберта был пистолет. Впрочем, похоже, в этот час в городе не осталось уже даже шпаны - ни садистов, желающих безнаказанно поохотиться на припозднившихся эвакуирующихся, ни фанатиков, жаждущих остановить их любой ценой. Только совершенно пустые, темные и мертвые дворы-колодцы, где единственным звуком были шаги Клариссы и Альберта, гулким эхом отдававшиеся от стен. Вместо предыдущей иррациональной мысли у Клариссы теперь возникла другая - что они опоздали, что Гавань уже закрылась, а может, ее и вовсе не было, а они - последние люди в городе, а то и на планете...

Альберт нырнул в очередную подворотню, и они оказались на узенькой пешеходной улочке, вымощенной плиткой, с фонарями "под старину" посередине. На эту улочку выходили в основном кафе и сувенирные лавки, и у Клариссы мелькнула мысль, как они получают свой товар, если по этой улице нельзя проехать? Через задние дворы, очевидно... То есть получали, конечно же, прошедшее время. Хотя и теперь улочка выглядела почти как в докризисные времена (не считая, понятно, отсутствия света) - на ней было на удивление мало выбитых или заколоченных фанерой окон. Видимо, из-за близости Гавани сюда часто заходили патрули, а вандалы и мародеры, соответственно, предпочитали держаться подальше. Но теперь уже и патрули были в прошлом... Вдруг Кларисса заметила, что в окнах одного из этих заведений мерцает желтоватый свет. Конечно, совсем тусклый, но все же он привлекал внимание на фоне окружающей темноты. Более того - на двери висела хорошо различимая в лунном свете табличка "ОТКРЫТО". Кларисса перевела взгляд на вывеску. "У дядюшки Вилли". Видимо, какой-то ресторанчик.

- Смотри, - указала она Альберту.

- Дежурное освещение от аккумулятора, - предположил тот. - Днем он заряжается от солнечной батареи, но день был пасмурный, поэтому сейчас, как видишь, он уже почти сел.

- А табличка?

- Забыли убрать, когда эвакуировались, - пожал плечами Альберт. - Ты же не думаешь, что там внутри может быть кто-то живой?

- Мы же живые, - возразила она.

- Но мы идем в Гавань, а не торчим тут, когда времени остается не больше часа.

Они быстрым шагом дошли до конца улицы и, миновав полосатый бетонный брус, преграждавший въезд на нее транспорту, прошли через еще одну арку и вышли на большую площадь, залитую ярким светом электрических прожекторов. Она тоже была вся заставлена машинами, но не так густо, как ведущие к ней улицы. А на другой ее стороне высилась округлая стена Гавани.

Когда-то это был Ледовый дворец, выстроенный специально к Чемпионату мира по хоккею - как оказалось, последнему в истории человечества. Он состоялся менее двух лет назад, когда правительства всего мира уже знали о Немезиде, но все еще пытались держать это в тайне, опровергая "вздорные слухи" и пытаясь перебить их любым отвлекающим позитивом. С позитивом хорошо выходило не у всех - национальная сборная выступила тогда из рук вон плохо, не выйдя даже в четвертьфинал... Теперь на гигантском табло над главным входом, некогда показывавшем счет матчей, сменялись цифры обратного отсчета - 0:1:11:22, 0:1:11:21, 0:1:11:20... (Альберт удовлетворенно отметил про себя, что времени оставалось больше, чем он ожидал), а голос из динамиков повторял одну и ту же запись: "Внимание! Эвакуация проходит в порядке живой очереди. Времени хватит всем. Оснований для паники нет. Займите вашу очередь к любому из входов и выполняйте все распоряжения правоохранителей. До эвакуации не допускаются домашние животные, дети в возрасте до одного года, а также любое материальное имущество. Правоохранители имеют право стрелять на поражение в лиц, препятствующих нормальному проведению эвакуации." К каждому из входов стадиона послушно тянулись

вереницы очередей, которые, впрочем, оказались не настолько длинными, как опасался Альберт. Видимо, несмотря на всю свойственную людям безалаберность, подавляющее большинство все же предпочло не тянуть до последнего, а проследовать в Гавань согласно графику, и в самом деле составленному так, чтобы без помех успели все (кое-кто даже пытался за взятку проскочить раньше - впрочем, как правило, безуспешно). Очередность в этом графике определялась не родственными связями ("все равно в Точке возврата вы снова будете вместе"), а профессией (чем она нужнее - тем позже), а внутри одной профессиональной категории - жребием. И лишь в последние сутки этот строгий порядок был сменен живой очередью для всех, кто пропустил отведенный ему срок. Да и состояние дел в городе, как и повсюду в мире, с приближением к концу становилось все хуже во всех смыслах, так что стимулов тянуть с эвакуацией до последнего не было почти ни у кого - не считая, понятно, тех, кто не верил в эвакуацию вовсе, но они не собирались пользоваться Гаванью и в последний день.

Альберт широким шагом двинулся через площадь, но Кларисса вдруг остановилась, услышав откуда-то справа совершенно неуместный звук, которого не слышала чуть ли не с докризисных времен - детский плач. То есть не просто детский - младенческий. Она повернула голову и увидела в просвете между брошенными машинами одинокую коляску. Поблизости никого не было.

- Что там? - Альберт, почувствовав, что она не идет за ним, обернулся.

- Смотри, - указала она.

- Аа... - скривился Альберт. - Не понимаю, как люди могут быть такими идиотами.

Объясняли же чуть ли не каждый день по всем каналам, и все равно...

Действительно, эта истина, очевидная сама по себе, еще и растолковывалась множество раз. Младенцы, рожденные и уж тем более зачатые после Точки возврата, не подлежат эвакуации, поскольку эвакуировать их попросту некуда. Они тогда не существовали. Они просто исчезнут без следа, и всё. Поэтому, уважаемые граждане, пользуйтесь контрацептивами, а уж если не сделали этого вовремя - все ограничения на аборт отменены, прерывание беременности разрешено на любых сроках, и эта процедура бесплатна. Какой смысл рожать ребенка, обреченного на смерть через несколько месяцев, недель или дней?! Но несознательные все равно находились.

Альберт собирался идти дальше, но Кларисса направилась к коляске.

- Нельзя же просто бросить его так, как это сделали его родители, - сказала она.

- А что мы можем сделать? - пожал плечами Альберт. - Ему в любом случае осталось жить всего час.

- Ну... хотя бы как-то успокоить. Он так плачет...

- Я не собираюсь провести последние минуты в этом мире, меня подгузники, - поморщился Альберт. - Или ты имеешь в виду... - он покосился на пистолет, тепер торчавший у него за поясом, и тут же подумал, что от оружия пора избавиться. Здесь, на площади, где все еще существовал закон и порядок, его могли застрелить за сам факт наличия пистолета, на который он не имел разрешения.

- Нет! - испугано воскликнула Кларисса. - Есть же и другие способы успокоить ребенка.

Она подошла к коляске и заглянула внутрь. В ногах у младенца, которому было, наверное, не больше пары месяцев, лежал прозрачный пакет, к которому была приколотта записка аккуратными крупными буквами:

"Ее зовут Шарлотта. Пожалуйста, позаботьтесь о ней, сколько сможете."

В пакете лежали несколько бутылочек с молоком и две упаковки подгузников.

- Нет, ну какова наглость! - возмутился Альберт, прочитав записку из-за плеча Клариссы.

- Мало того, что зачали и родили ребенка, которого не должны были, так еще и - "мы свалили, а вы, пожалуйста, позаботьтесь!"

- Тише, - попросила Кларисса. - Она-то не виновата.

Из двух наиболее вероятных причин детского плача она выбрала ту, которую можно было устранить, не преодолевая брезгливость, и достала из пакета бутылочку с соской на конце. Девочка, похоже, и в самом деле была голодна и тут же принялась жадно сосать. Когда бутылочка опустела, Шарлотта уже не плакала, но гукала и пускала пузыри (Альберт неприязненно отвернулся). Кларисса взялась за ручку коляски и принялась покачивать ее. Никаких колыбельных она не знала, просто повторять "ааа, ааа" не хотела (это казалось ей унижительным, словно бы она сама опускалась до уровня не умеющего говорить младенца), так что она негромко запела на манер колыбельной последнюю песню, которую слышала:

We're leaving together, but still, it's farewell
And maybe, we'll come back to Earth, who can tell?

Наверное, в первый (и в последний) раз в истории песня группы Eurore использовалась в таком качестве, но это сработало. Когда Кларисса дошла до "последнего отсчета" (цифры которого все так же ритмично сменялись на табло), девочка уже спала.

- Ладно, идем! - потерял терпение Альберт.

Он положил пистолет на асфальт рядом с коляской, и они вновь быстро зашагали через площадь. Альберт на всякий случай достал свое служебное удостоверение, так, чтобы его было видно издали, и они направились напрямиком к служебному входу, охраняемому автоматчиками в бронежилетах, минуя все-таки довольно длинную очередь, тянувшуюся к ближайшим воротам. Они прошли мимо нескольких куч сумок и чемоданов, сваленных на асфальте - опять-таки, несмотря на все разъяснения, что в прошлое ничего невозможно взять с собой, находились идиоты, припершиеся в Гавань с вещами - а затем и мимо нескольких трупов, мужских и женских, лежавших в лужах свежей крови. Очевидно, это были те, кто не выполнил распоряжения охранников, как призывали репродукторы. Люди в медленно, но неуклонно ползущей очереди равнодушно и покорно шагали мимо, не глядя в сторону мертвецов. Альберт постарался отогнать от себя мысль, что все это чертовски напоминает очередь в газовую камеру из фильмов о лагерях смерти Второй мировой.

- Я сотрудник Службы энергообеспечения Гавани, - объявил он, подходя к подозрительно глядевшим на них с Клариссой автоматчикам и вытягивая впереди себя руку с удостоверением. - К сожалению, мой телефон вышел из строя, так что, возможно, мне поступали сообщения, которых я не получал. Мне надо убедиться, что все в порядке... могу я воспользоваться вашим телефоном?

Охранник неторопливо, словно не было никакого обратного отсчета над головой, изучил предъявленный документ, в то время как его товарищ не сводил с них с Клариссой глаз, держа палец на спусковом крючке висящего через плечо автомата. Затем вернул пластиковую карточку Альберту.

- Все штатно, - сказал он низким и глухим голосом. - С энергией перебоев нет.

- Так могу я проверить показатели? Мне только нужно зайти на сайт с моим паролем. Wi fi же работает?

Охранник, пожав плечами, молча протянул ему телефон, сняв блокировку. В этом последнем оазисе цивилизации действительно все еще работало, и Альберт смог проверить основные параметры электроснабжения Гавани. Все было в норме, и графики свидетельствовали, что пик нагрузки пройден еще днем. С тех пор количество эвакуируемых и, соответственно, потребляемая мощность только снижались, что практически гарантировало от каких-либо неприятных сюрпризов в последний час. Он действительно хорошо сделал свою работу и полностью исполнил свой долг.

- Спасибо, - Альберт вернул телефон. - Да, все окей.

- Будете эвакуироваться сейчас? - охранник шагнул в сторону, пропуская их с Клариссой

к служебному входу. Формально говоря, она не была сотрудницей Гавани и должна была становиться в общую очередь, но охранник не стал об этом вспоминать и вообще интересоваться ее документами. Альберт взял ее за руку и шагнул было вперед, но Кларисса осталась на месте.

- Ты так торопишься? - сказала она.

Альберт обернулся.

- Мы отбываем вместе, но все же это прощание, - повторила она слова песни. - Ты ведь понимаешь, что, войдя туда, мы расстанемся навсегда?

Они тщательно избегали обсуждать эту тему, и уж тем более не хотелось делать это при охранниках. Сам Альберт уже настроился на то, что сейчас пройдет быстрым шагом в камеру транспортировки, не давая себе времени задуматься, а эмоциям - нахлынуть и поглотить его. Долгие проводы - лишние слезы, перед смертью не надышишься и как там еще говорят. Но сейчас он резко поменял решение. Они так торопились сюда, потому что был риск не успеть. Но они успели, и у них все еще остается время. Ему вспомнился плакат из фильма "На берегу" - "У нас все еще остается время".

- Мы с женой отойдем пока, - сказал он охране. - Вернемся позже. Вы ведь нас пропустите?

- Да, если сами еще будем здесь, - ответил автоматчик. - Но сильно не задерживайтесь. Сами знаете, начинается последний час.

- Конечно, - кивнул Альберт и повернулся, чтобы идти, но охранник вновь окликнул его.

- Да? - обернулся Альберт уже с раздражением, не желая терять больше ни секунды.

- У вас часы есть? - спросил охранник. - Вы сказали - телефон сломан.

- Н-нет, - признал Альберт.

- Возьмите мои, чтоб не опоздать. Мне все равно уже без надобности, - охранник снял с запястья и протянул Альберту механические часы на широком ремешке, каких инженер не видел уже много лет. В его кругу общения все узнавали время по гаджетам, но военные и полиция до сих пор хранили верность механическим часам, полагая их надежнее любой электроники. И правильно, в общем-то, полагали.

- Спасибо, - сказал Альберт.

- Вам спасибо, - ответил охранник. - Без вас мы бы не смогли эвакуироваться, верно?

Они пошли прочь от Гавани. Эта площадь с ее брошенными машинами, очередями и трупами нарушителей, с ее постоянно повторяющимся предупреждением из динамиков, была явно не подходящим местом, чтобы провести их последние совместные минуты.

- Куда пойдем? - спросил Альберт. - Только далеко не получится, времени совсем мало.

- Давай все-таки проведем тот ресторанчик, - припомнила Кларисса. - Он всего в пяти минутах быстрым шагом. Вдруг он все-таки работает? А мы так и не отметили восьмую годовщину.

Семь месяцев назад они решили, что, поскольку им так никогда и не удастся отпраздновать даже первую годовщину своего союза, они будут отмечать вместо лет месяцы. Четыре раза они ходили в рестораны, затем, когда из-за перебоев снабжения, обесценивания денег, проблем с безопасностью и эвакуации и клиентов, и самих работников заведения общественного питания стали закрываться - устраивали себе праздничный ужин дома, благо продуктовые пайки Альберта и кулинарное искусство Клариссы позволяли делать это ничуть не хуже. Последняя, восьмая "годовщина" приходилась на второй день после конца света. Никто, конечно, не мешал отпраздновать ее на два дня раньше, наплевав на календарные условности, но по молчаливому уговору они не стали этого делать. Оба слишком хорошо понимали, что никакого праздника бы не вышло, ибо каждая секунда этого внеурочного мероприятия слишком отчетливо подчеркивала бы, что оно - последнее. Проще было сделать вид, что все идет своим чередом и ничего особенного не происходит, как те герои Невила Шюта, поведение которых когда-то так удивляло Альберта.

- Вряд ли там внутри кто-то есть, - ответил Альберт на предложение жены, - но, может быть, остались какие-то съедобные закуски или напитки. Почему бы нет.

Час до конца света

Дверь с табличкой "ОТКРЫТО" действительно оказалась незаперта. Над головами мелодично тренькнул колокольчик. Никаких дежурных ламп, питаемых издыхающим аккумулятором, внутри не оказалось. Неяркий желтый свет исходил от нескольких десятков свечей, расставленных необычным образом - на полу вдоль стен, и озарял крохотный зальчик всего на шесть круглых столиков, уходивших двумя рядами к прилавку в глубине помещения, на котором тоже стояли свечи. И за этим прилавком сидел человек, который поспешно поднялся и вышел навстречу посетителям.

Ему было лет шестьдесят с чем-то, он был полноватый, круглолицый, лысеющий, и очень походил на классический образ шеф-повара из рекламы, хотя облачен был не в поварской халат и колпак, а в старомодный костюм-тройку с галстуком, ну и рекламные повара обычно все же моложе и веселее. Впрочем, сейчас этот человек тоже улыбался.

- Добрый вечер, - сказал он, подходя к гостям. - Хотя, наверное, сегодня это не очень подходящее выражение... но все же постараемся сделать его добрым. Я так рад, что вы зашли. Я уже думал, никто не придет.

- Это ваш ресторан? - уточнил Альберт. - И он открыт?

- Никто в это не верит, - развел руками дядюшка Вилли - Я думал, в последние дни не будет отбоя от клиентов, идущих в Гавань, но все проходят мимо таблички "Открыто", даже не пытаюсь дернуть за ручку. Да и, по правде говоря, сейчас на эту улицу вообще мало кто забредает, не то что в прежние времена. Все предпочитают улицы, где машины, даже когда на самих машинах уже не проехать... Мне кажется, я видел, как вы проходили мимо несколько минут назад, и я очень рад, что вы решили вернуться. Могу я спросить, вы отмечаете что-то необычное? Ну, не считая... - он подвесил окончание фразы в воздухе.

- У нас восьмая годовщина, - сказала Кларисса.

- О! Как это прекрасно! - воскликнул дядюшка Вилли. - Я вам завидую! Но... - он снова помрачнел, - тогда почему вы здесь, а не там? - он мотнул головой в направлении Гавани.

- Это не настоящая годовщина, - сказала Кларисса. - Это месяцы, а не годы.

- А, - печально кивнул дядюшка Вилли, - понимаю. Ну что ж, - он снова перешел к бодрому тону, - садитесь за любой столик, - он сделал приглашающий жест, обводя рукой свое заведение. Альберт опустился за ближайший столик, чтобы не терять даже нескольких секунд на хождение туда-сюда; Кларисса села напротив него. При виде чистой скатерти и блестящих столовых приборов у нее мелькнула привычная цивилизованная мысль, что после всех пережитых приключений надо бы как следует вымыть руки - но какое это теперь имело значение? На столике также стояли цветы в вазочке (очевидно, искусственные) и две негорящие свечи в подсвечниках. Дядюшка Вилли извлек зажигалку и галантным жестом запалил обе свечи.

- Что будете заказывать? К сожалению, спиртного предложить не могу, сами понимаете - зато есть безалкогольное красное вино! Настоящее французское, осталось всего две бутылки. Выбор горячих блюд сегодня, увы, также крайне ограничен - нет электричества. Хотя я могу пожарить вам мясо на углях. Но, если вы любите хорошо прожаренное, боюсь, нам может не хватить времени. Однако если вы предпочитаете с кровью...

- Нет уж, - мрачно произнесла Кларисса, - думаю, что крови на сегодня для меня достаточно. Да и вообще я мяса не ем.

- Подайте нам то, что можете подать быстро, - перебил Альберт. - Не тратьте времени на приготовление.

- Хорошо. Тогда богатый выбор холодных закусок! К сожалению, не все из свежих продуктов, сами понимаете, как трудно их сейчас достать, да и хранить без холодильника, так что приходится использовать консервы, но, ручаюсь, вы практически не почувствуете разницы! Как насчет морепродуктов? Я уважаю заботу об экологии, - поспешно добавил он, - но боюсь, что она уже, в некотором роде, потеряла актуальность...

- Морепродукты годятся, - сказала Кларисса. - Да и мяса я не ем не из-за моральных принципов, просто для здоровья вредно. Хотя забота о здоровье уже тоже...

- Дайте нам что-нибудь побыстрее на ваш выбор, - снова поторопил Альберт.

- Хорошо. Тогда копченые угри, салат из кальмаров, сельдь под маринадом, канапе с лососем в чесночном соусе, маринованные грибы ассорти с луком, фаршированные баклажаны, салат из свёклы и грецких орехов с майонезом, салат из ананасов и груш, голландский яблочный пирог, пирожки с вишней, крем-брюле, кексы с изюмом и печенье с цукатами.

- Думаю, это слишком много для нас двоих, - оторопел Альберт.

- Так никто же не заставляет вас съесть все! - улыбнулся дядюшка Вилли. - Просто возьмите по кусочку от каждого. Все равно все это уже приготовлено. Я же говорю - я наготовил еды в расчете на поток клиентов, а никого, кроме вас, нет... и, вероятно, уже не будет.

Он принялся снова от столика к двери за прилавком и обратно, начав с черной бутылки безалкогольного вина, которое ловко откупорил и разлил по бокалам, а затем принося все новые блюда.

- Зачем вы это делаете? - не сдержал любопытства Альберт, хотя и не хотел тратить время на беседы с посторонними. - Вы же понимаете, что деньги уже...

- Нет-нет, разумеется, сегодня все за счет заведения, - снова улыбнулся дядюшка Вилли, разгружая последний поднос.

- И вы знаете, сколько сейчас времени? - уточнил Альберт на всякий случай.

- Да, - кивнул ресторатор. - Осталось меньше часа, - Альберт ожидал продолжения "... но до Гавани отсюда пять минут", но вместо этого старик сказал: - Но вы не волнуйтесь, я никуда не спешу.

- Вы... - Альберт невольно понизил голос, - не собираетесь эвакуироваться?

- А зачем? - развел руками дядюшка Вилли. - Видите ли, для меня это был не лучший год. Жена умерла... она давно и тяжело болела... сын... подался в теплые края еще до Точки возврата. Когда стало окончательно известно про... эту дрянь, он сказал, что намерен провести последние полтора года своей жизни в тропиках, как всегда мечтал, а не в нашей, цитирую, "тоскливой заднице". Пассажирские авиарейсы тогда уже были отменены, он добирался на каком-то сухогрузе, который вообще не имел права брать на борт пассажиров... А потом - сами знаете, наверное. В тропиках началась резня, практически везде, во время хаоса там было особенно жарко... жарко в переносном смысле, а теперь уже стало и в прямом. Говорят, теперь они уже мало пригодны для жизни - глобальное потепление нас таки догнало, только отнюдь не из-за углекислого газа... Сын со мной больше так и не связывался. Я не знаю, где он и что с ним, жив ли он... но думаю, что это очень вряд ли. Так что у меня остался только этот ресторан, и я делал все, чтобы держать его на плаву до самого конца - и, честно говоря, горжусь, что мне это удалось, но начинать все сначала, тем более - раз за разом, как-то уже не хочется. Думаю, что я пожил уже достаточно, что мог сделать хорошо - сделал, что не смог - уже не исправлю, и сейчас как раз подходящий момент, чтобы поставить точку.

- Удивительно, как вам удалось поддерживать свой бизнес все это время, - сказала Кларисса.

- Помогали патрульные и охранники Гавани, в последнее время они были практически единственными моими клиентами. Но уже три дня не заходили даже они. Наверное, решили, что раз отрубился свет, то и мой ресторан тоже.

- А мародеры? - поинтересовался Альберт.

- Заходили ко мне позавчера. Я угостил их обедом. Сказали "спасибо" и ушли. Я думал, что придут снова, но они так и не пришли. Возможно, их кто-нибудь застрелил. Я рад, что моими последними клиентами стала такая приятная пара, как вы. Но, - спохватился он, - вам, наверное, надоела моя болтовня, и вы хотите остаться наедине. Не буду вам мешать, - он удалился и скрылся в двери за прилавком, очевидно, ведущей на кухню.

- Кажется, он решил, что мы тоже не собираемся в Гавань, - заметил Альберт.

- Он... - начала Кларисса, но перебила себя: - Выпьем за нас. Мы ведь для этого сюда пришли.

- Да, - согласился Альберт, поднимая свой бокал. - За нас. С годовщиной, любимая.

Они снова поставили бокалы на стол, и Альберт обвел взглядом многочисленную снедь, выбирая, с чего начать - он впервые почувствовал, что после всех событий этого вечера и впрямь изрядно проголодался. Но, едва он успел отправить в рот кусочек копченого угря, Кларисса, не притрагиваясь к еде, твердо сказала:

- Альберт, я остаюсь.

- Что? - едва не поперхнулся он.

- Я не буду эвакуироваться.

На сей раз он тщательно прожевал (не чувствуя вкуса), сглотнул и только потом произнес растерянным тоном: - Что ты такое говоришь? Ты что - наслушалась этого старика? Или той девицы с ее отцом? Но у нас же...

- Да, у нас другая ситуация, - кивнула она. - У тех людей этот год был несчастливый. У нас - наоборот. Самые счастливые восемь месяцев в моей жизни. Смысл, которого не было раньше. Помнишь? Это же твои слова. И если я войду в Гавань, этого больше не будет. Никогда. Мы больше не встретимся.

Альберт попытался что-то сказать, но Кларисса повысила голос:

- Ты прекрасно знаешь, что это так! Ты же помнишь обстоятельства нашего знакомства. Мы оба оказались в том месте совершенно случайно. Я - потому что заблудилась, потому что встала там, чтобы посмотреть карту, потому что мой мотор заглох именно тогда, а не раньше и не позже, потому что я поехала за яйцами, хотя погода мне не нравилась, и я хотела остаться дома, потому что мне вообще вдруг захотелось селедки под шубой, для которой нужны яйца... А ты - потому что тебя подрезал какой-то случайный придурок, и ты пропустил из-за него свой поворот. Каковы шансы, что все это снова сойдется?! Ни один из нас никогда не ездил той дорогой ни до, ни после. Мы жили в разных концах пятимиллионного города - и даже не самого города, а его предместий с противоположных сторон, никогда не бывали поблизости друг от друга, не могли пересечься по работе, никогда не встречались ни вживую, ни в интернете - хотя в интернете я бы вообще ни с кем не стала знакомиться... Это не повторится, Альберт. Не повторится больше никогда. Как только мы войдем в Гавань... это будет даже хуже, чем смерть. После смерти любимого хотя бы остается память. А ты ничего не будешь помнить обо мне, а я - о тебе. Мы снова вернемся... к бессмысленному существованию, даже не догадываясь, что альтернатива ему возможна, и не пытаюсь ее искать.

- Ну вообще-то, - возразил Альберт, - раз это случилось один раз, значит, вероятность не нулевая, а значит, при бесконечном числе попыток рано или поздно должна реализоваться снова.

- А ты думаешь, у меня есть это бесконечное число попыток? Если бы я в тот день не осталась ночевать у тебя, то ночью сгорела бы в пожаре, который устроил тот наркоман.

- Может, и не сгорела бы. Там не все пострадавшие умерли.

- Вероятность, что сгорела бы, куда выше, чем у нашей новой встречи. Да и потом - ну, допустим, насмерть не сгорела бы, получила бы тяжелые ожоги. Даже получила бы из-за них право на досрочную эвакуацию. И решила бы - ну нафиг, зачем проходить эту пытку снова? Наркоман-то никуда не денется, даже несмотря на то, что он погиб и не эвакуировался - то есть даже как раз благодаря этому его мировая линия в прошлом останется неизменной, и пожар,

соответственно, тоже. А предупредить себя никак нельзя. И я отказалась бы от эвакуации. Все равно бы отказалась, но только с ожогами на половину тела и без всяких шансов помочь тебе.

- Помочь мне?

- Ну да. Разве ты не понимаешь? Ты же сам объяснял мне всю эту мозголомную механику. Если я умру здесь, моя мировая линия в прошлом навсегда останется неизменной. И, значит, я снова окажусь на той дороге - точнее, так там и останусь в соответствующий момент восемь месяцев назад. И твои шансы встретить меня там резко возрастут. Понадобится уже один только подрезавший придурок. Я-нынешняя буду мертва и не буду больше ничего сознавать и чувствовать, но со мной-прошлой ты снова получишь эти восемь счастливых месяцев. Когда-нибудь... в какую-нибудь из попыток.

Альберт молчал. Удивительно, но такая мысль прежде не приходила ему в голову.

- Хотя, - добавила Кларисса, - мне, честно говоря, до сих пор непонятно, что же произойдет во всех остальных попытках. Если моя мировая линия останется прежней, а твоя изменится и не пересечется с ней, то что же будет с нашей совместной жизнью, которая должна остаться у меня и исчезнуть у тебя?

- Просто останется, как одно из значений волновой функции, но не то, к которому она схлопнулась, - ответил Альберт бесцветным голосом. - Примерно как опция в компьютерной игре, которую не выбрал пользователь. В коде она прописана, вместе со всеми своими последствиями, и останется там, но игрок ее не увидит. Потому что игрока Кларисса больше нет, а игрок Альберт пошел по другой ветви.

- Значит, будет так, - сказала Кларисса и принялась за салат из кальмаров. - Странно, почему-то никогда раньше не ела кальмаров. Вкусно.

Альберт тоже некоторое время молча жевал. Потом отложил вилку.

- Не думаю, что могу принять твою жертву, - сказал он.

- Не думай об этом, как о жертве, - ответила Кларисса. - Я сама не хочу, понимаешь? Не хочу возвращаться к той жизни, которая у меня была без тебя. Даже если мне удастся каким-то чудом избежать пожара. Я никогда не думала о самоубийстве. Мне даже какое-то время казалось, что я люблю Маркуса и счастлива с ним... ну, во всяком случае, если и не счастлива, то уж точно не несчастна. Что это и есть нормальная жизнь, которая будет у меня всегда, и претендовать на большее глупо. И, наверное, так и дожила бы в этой уверенности до старости, если бы не... все это. Но, получив большее, уже не хочется возвращаться к меньшему.

- Да, - согласился Альберт, - очень хорошо тебя понимаю. Симметрия же, - печально улыбнулся он. Это было их любимое слово, когда они хотели подчеркнуть очередное сходство во взглядах и чувствах.

- Ты ведь сам говорил, - продолжала Кларисса, - я... моя мировая линия там, в прошлом... это не будет зомби, ты не заметишь никакой разницы, когда снова с ней встретишься... через сто или тысячу лет, или когда там. И ничего не будешь помнить про то, что я...

- Вот именно, - мрачно перебил Альберт. - Я ничего не буду помнить, в этом-то все и дело. Я бы, может быть, согласился ждать новой встречи с тобой тысячи лет - понимаю, звучит, слишком романтично, поэтому и говорю "может быть" - тысячи лет, в которых не будет ничего, кроме одной и той же работы на Гавань. Если бы я хотя бы знал, ради чего прохожу этот цикл снова и снова. Но я не буду ни знать, ни догадываться. Нам вроде как подарили бессмертие - но какой в нем смысл, если мы ничего не помним? Может быть... может быть, на самом деле это вовсе не первый цикл, как мы все почему-то думаем. Может быть, я прохожу через это уже в тысячный или в миллионный раз. И мне миллион лет, но я помню из них только первые 35 - а пройдя в очередной раз через Гавань, снова буду помнить только 34. Тогда чем мое бессмертие отличается от твоей смерти? Только тем, что с каждой итерацией нас, живых, остается все меньше за счет тех, кто не дожил до очередной эвакуации и чьи мировые линии навсегда застыли? Но мы даже этого не в состоянии обнаружить. Пока в силу все тех же вероятностей,

которые рано или поздно реализуются, весь мир не наполнится одними лишь квантовыми призраками, и эвакуироваться не станет просто некому... - он взял ее за руку. - Я понимаю, что тепло твоей кожи ровным счетом ничего не доказывает. Но мне хочется верить, что ты не призрак.

- Не призрак, - ответила она и погладила его по щеке, ощутив кончиками пальцев пробившуюся за день щетину. - Я мыслю, следовательно, существую... пока еще. Но, конечно, моя оставшаяся в прошлом копия говорила бы то же самое. Наверное, наука тут бессильна что-либо доказать. Остается только верить.

- И вся эвакуация основана на вере, - кивнул Альберт. - Вере в то, что это работает. Ты была права, когда говорила это. Я по-прежнему не думаю, что это сознательный обман, но... чем больше я об этом думаю, тем больше прихожу к выводу, что это всего лишь теория... точнее, даже хуже - всего лишь интерпретация теории. Нам сказали, что мы возвращаемся на год в прошлое, и мы поверили. А может, мы просто умираем, исчезаем вместе с нашими телами, а в прошлом по записанной в Точке возврата матрице создаются наши копии. Кто может проверить? Кто может сказать, что это не так, если ни мы, ни они, ни какие-либо внешние наблюдатели ничего не будут помнить? Аналогии с восстановлением из старой записи в игре хороши, только пока мы не вспоминаем, что персонаж игры - это не сам игрок. Что игрок существует во внешнем по отношению к игре и персонажу мире, и там его существование, его личность, его память последовательны и непрерывны.

- Ты не задумывался об этом раньше? - тихо спросила Кларисса. - Мне-то как раз приходили такие мысли, но я гнала их от себя, видя, как ты уверен в эвакуации - а ты все-таки технарь, не то что я, гуманитарий.

- Наверное, боялся задумываться. Да и, учитывая альтернативу... И тебя не хотел лишней раз смущать. Но теперь, после твоих слов... в общем, если ты остаешься, то я тоже. Симметрия, так уж симметрия.

Кларисса немного помолчала.

- Честно говоря, я так рада, - сказала она. - Это же неправильно, да? Мне следовало бы тебя отговаривать, чтобы ты жил дальше... ну, по крайней мере, если есть хоть какой-то шанс... а я радуюсь, что мы будем вместе до конца. Мне бы очень не хотелось встречать последнюю минуту одной. Я жуткая эгоистка.

- Я тоже эгоист, - заверил ее Альберт. - Иначе не готов был бы сменять бесконечные годы общественно полезной работы на несколько минут личного счастья.

- Попробуй эти баклажаны, - сказала она. - Жаль, что мы не были здесь раньше. Надо было бы узнать у дядюшки Вилли рецепт начинки.

- Раньше бы он, наверное, не сказал, - улыбнулся Альберт. - Заявил бы, что это фирменный секрет. Ладно, давай съедим по кусочку от каждого блюда, чтобы сделать ему приятное, допьём вино и пойдем. Я бы все-таки не хотел встретить конец света за набиванием желудка и пропустить все шоу. Небо в последние минуты обещает быть интересным.

Через несколько минут они поднялись из-за стола.

- Спасибо, дядюшка Вилли! - крикнула Кларисса в сторону кухни. - Все было очень вкусно!

Старик показался в дверном проеме.

- Уже уходите?

- Да, - ответил Альберт. - Посмотрим на зрелище, какое бывает раз в десять миллиардов лет. Думаю, вам тоже стоит на это взглянуть. Новых клиентов уже точно не будет, осталось 25 минут.

- Нет, - проворчал старик. - Я останусь со своим рестораном. Наверное, это странно звучит, словно я говорю о живом существе, но в последние месяцы он был для меня всем - и семьей, и другом, и смыслом жизни, и я не хочу его бросать.

Они снова пошли к Гавани, ибо ближайшая большая площадь, где дома и деревья не загорали небо, находилась там. Когда они вышли на площадь, к Гавани все так же тянулись очереди (ставшие, впрочем, короче), и голос из репродукторов все так же повторял свою мантру, однако Альберт издали заметил, что тех самых "правоохранителей, имеющих право стрелять на поражение", уже не было видно. Однако люди в очередях, вышколенные, очевидно, предыдущими примерами кары за неповиновение, все еще покорно соблюдали установленный порядок. "Времени хватит всем! - повторяли репродукторы. - Оснований для паники..."

Внезапно раздался низкий свист, а затем оглушительно грохнуло. Площадь содрогнулась от удара. Над крышей Ледового дворца поднялся грибообразный клуб огня и черного дыма, а в следующее мгновение прожектора погасли, погрузив площадь во тьму, которая, несмотря на полную луну, после яркого электрического света казалась непроглядной - и в этой тьме лишь продолжали свой последний отсчет цифры на табло.

Репродукторы тоже смолкли, зато во мраке зазвучали многоголосые крики ужаса и паники, кто-то, похоже, бросился бежать, не разбирая дороги, спотыкаясь о чемоданы и трупы, налетая на брошенные машины. Но уже через несколько секунд прожектора вновь включились тремя каскадами один за другим, и динамики продолжили про "стрелять на поражение в лиц, препятствующих нормальному проведению эвакуации".

- Ракета, - спокойно прокомментировал Альберт, мягко сжимая руку Клариссы. - Зацепили подстанцию, но автоматика переключилась на резерв. Похоже, самоделка вроде тех, которыми арабы обстреливали Израиль.

- Интересно, что там сейчас, - нервно усмехнулась Кларисса, пальцы которой все еще дрожали.

- Ты не знаешь? Евреи закончили эвакуацию всех своих, включая ультраортодоксов, еще неделю назад. После чего арабы взорвали построенные ими Гавани - и вообще практически всё, построенное ими с 1948 года - пляшут на обломках с палестинскими флагами и ждут, когда Аллах заберет их в рай. По крайней мере, такими были последние видео с дронов.

- Думаешь, это тоже были мусульмане?

- Понятия не имею. Знаю только, что это были идиоты.

Тем временем, несмотря на восстановление электричества, ситуация на площади радикально изменилась. Очередей и порядка больше не было. Кое-кто, обуянный паникой, продолжал и при свете прожекторов бежать прочь от Гавани, но абсолютное большинство все еще оставшихся снаружи, наоборот, ломанулись внутрь, штурмуя входы беспорядочной толпой, остервенело расталкивая и топчя друг друга.

- Homo sapiens sapiens, - проворчал Альберт. - Все-таки Невил Шют был о них слишком хорошего мнения.

Справа снова надрывался детский плач.

- Шарлотту разбудили, недоумки, - сказала Кларисса. - А знаешь что - давай отвезем ее к дядюшке Вилли, пока сюда еще что-нибудь не прилетело?

- А давай, - неожиданно согласился Альберт. - Глядишь, тут за это время как-то угомонятся.

Пятнадцать минут до конца света

Колокольчик снова звякнул у них над головами. Дядюшка Вилли сидел за оставленным ими столом, заставленным все той же снедью, и ел крем-брюле. Перед ним стояла его последняя бутылка безалкогольного вина, оставленная, вероятно, для последней минуты.

- Снова вы? - его брови поднялись в радостном удивлении.

- Похоже, мы все же не последние ваши клиенты, дядюшка Вилли, - сказала Кларисса, вкатывая коляску со все еще плачущим младенцем внутрь. - Ее зовут Шарлотта. Мы нашли ее на

улице. К сожалению, сами мы не умеем заботиться о детях, но тут есть молоко и... подгузники. Вы не возражаете, если мы оставим ее у вас?

- Нет, - улыбнулся старик, поднимаясь. - Сказать по правде, я всегда хотел иметь внучку. Надеялся, что Арни, то есть мой сын, подарит мне ее, но он был, как это теперь называется, child free - учитывая, как оно в итоге сложилось, наверное, оно и к лучшему... Но вот... хотя бы напоследок... Шарлотта, значит? Подходящее имя для внучки кулинара, почти как шарлотка, хе-хе... Ну не плачь, маленькая, иди к дедушке. Ничего, я еще помню, как менял подгузники Арни. Это не ракетная наука. И не квантовая физика.

Девять минут до конца света

Когда они снова вышли на площадь, ситуация там опять переменялась. Прожектора горели, цифры отсчета сменялись и голос из репродукторов звучал, но ни очередей, ни хаотичной толпы уже не было. Все входы в Гавань, включая служебные, стояли нараспашку, и перед ними лежали тела задавленных и растоптанных, но все оставшиеся в живых уже прорвались внутрь. Впрочем, с разных сторон то тут, то там к этим входам еще бежали поодиночке последние запоздавшие, но и их становилось все меньше. Последним, хрипло пытаясь, через площадь пробежал здоровенный лысый негр, волокший туго набитый чемодан. Объяснить ему, что это глупость, было уже некому, так что он скрылся в черном зеве входа вместе со своей ношей.

А затем на площадь из улиц и переулков стали выходить другие люди. Они никуда не спешили. Они шли поодиночке, небольшими группами или парами, держась за руки, как Альберт и Кларисса. В сторону Гавани они практически не смотрели - разве что бросали периодические взгляды на табло, где продолжали сменяться цифры, но в основном они глядели на небо, где сияла полная луна, казавшаяся тусклой из-за засветки, создаваемой прожекторами. Некоторые принесли с собой темные очки и закопченные стеклышки, чтобы смотреть на луну, когда она станет яркой как солнце. Альберту все это напомнило зрителей, собирающихся смотреть праздничный салют - разве что пришедших на площадь сейчас было намного меньше.

На табло высветились нули - а затем, словно осознав свою неуместность, погасли. "Оснований для паники нет", - в последний раз объявил голос и тоже смолк. Затем отключились прожектора.

Но больше ничего не происходило. Над площадью, наконец погрузившейся во мрак точно так же, как и весь остальной город - как и вся ночная сторона планеты - сияли в безоблачном небе звезды, теперь хорошо различимые, и луна, больше не казавшаяся тусклой, но и не более яркая, чем обычно в полнолуние (разве что чуть-чуть, из-за приближения Земли к Солнцу, но к этому все уже успели привыкнуть). Среди зрителей послышались перешептывания.

- Что такое? - спросила Кларисса. - Конец света отменяется?

Она, конечно, знала, что это не так, и не может быть так, но...

- Таймер был настроен с небольшим упреждением, - пояснил Альберт. - Всегда лучше иметь в запасе дополнительную пару минут.

- Что можно сделать за две минуты? - вздохнула она.

- Например - добежать до Гавани. Установки внутри все еще работают.

Кларисса насмешливо хмыкнула.

- Ну тогда - хотя бы вот это, - он крепко обнял ее и прижал к себе.

Две минуты до конца света

Они снова смотрели в небо, держась за руки. Внезапно луна вспыхнула, с каждой секундой становясь все ярче. Небо из угольно-черного на глазах сделалось пронзительно-синим.

И - когда потоки заряженных частиц невиданной прежде силы врезались в магнитное поле Земли, снося последние спутники, сдувая слой за слоем атмосферу - в этой синеве по всей ее ширине заплескались и зареяли, ярко переливаясь всеми оттенками, зеленые, желтые, красные, оранжевые, голубые ленты невиданного в этих широтах, да и вообще в истории, полярного сияния.

- Как красиво! - восхищенно сказала Кларисса, крепко сжимая пальцы Альберта.

2025